

Габриэл Сам

ИСКУШЕНИЕ

16+

Габриэл Сам
Искушение

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сам Г.

Искушение / Г. Сам — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Герой повести «Искушение» в юности — московская шпана, в студенческие годы — один из столичных хиппи. Первая любовь, вспыхнувшая у него после череды неразборчивых связей, неожиданно завершается горькой развязкой. Любовь всей жизни он встречает, будучи уже творческим учёным. Счастливая семейная жизнь обрывается с потерей дочери и жены. Он погружается в тяжёлую депрессию и решает на самоубийство. В момент исполнения задуманного он невольно оказывается свидетелем изнасилования девушки вымогателем и решает прикончить подонка, прежде чем самому уйти из жизни. В рассказе «Выбор» мужчина сталкивается с извечной проблемой: развод с женой, или сохранение семьи. Ведь как сказано в Евангелии: «... не все вмещают слово сие, но кому дано...» Рассказ «Яблоки» о трогательных взаимоотношениях бабушки и внука.

© Сам Г., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

В сборник входят: *Искушение* (повесть), *Выбор* (рассказ), *Яблоки* (рассказ)

Искушение

Антон Роленович Воскресенский на вопрос о своём происхождении, а чаще о странном отчестве Роленович, с готовностью начинал рассказывать про свои французские корни и о том, что отца назвал дед именем далёкого предка Ролен Воскреси, попавшего из Франции в Россию по воле императора Наполеона. История эта передавалась в роду от отца к сыну и стала семейным преданием. В начале XIX века Ролен Воскреси служил в кавалерийском корпусе армии Наполеона, участвовал во многих походах великого полководца, четырежды был ранен, но боеспособности не терял и седла не покидал. Судьба его хранила. В последнем Бородинском сражении он остался жив и вместе с императором вошёл в Москву. Однако после ухода Наполеона, когда остатки частей отступающей французской армии разбивались в столкновениях с русскими войсками и казачьими отрядами, Ролен Воскреси, получив тяжелое ранение, упал с коня и потерял сознание. В лютый мороз он остался жив благодаря случаю. Лежащего на дороге француза подобрал проезжающий в кибитке русский помещик и привёз в своё имение. Здесь Ролен Воскреси под наблюдением великодушного хозяина долго восстанавливался, влюбился в дворовую девушку, которая за ним ухаживала, женился на ней и остался в России.

Эту незатейливую историю о своём пращуре Антон каждый раз рассказывал с новыми подробностями, которые подчас противоречили деталям ранее представленной им версии. И тем не менее они никак не могли исказить истинных событий жизни Ролен Воскреси, поскольку человека такого не существовало, легенду о нём Антон попросту придумал. Отец Антона с необычным именем Ролен о своих родителях сыну не рассказывал по причине того, что ничего о них не знал. Отца своего он не видел, а мать помнил смутно – она умерла в голодное время, когда ему исполнилось пять лет. Сам он остался жив лишь благодаря приютившей его крестьянской семье, которая сжалилась над сиротой и не дала мальчику умереть с голоду. Но скоро, оказавшись в доме лишним ртом, ему пришлось покинуть деревню и примкнуть к армии бездомных оборванцев, которых в двадцатые годы называли беспризорниками. И, как многим сиротам того голодного периода, ему пришлось хлебнуть лиха и усвоить суровые законы выживания. Уже в трудовой колонии для несовершеннолетних, куда он семилетним попал в 1929 году, ему присвоили имя Ролен, которое расшифровывалось как – Рабочих освободил Ленин. Своё настоящее имя мальчик к тому времени уже не помнил. Мать называла его «мой воробушек», в крестьянской семье его никак не называли, а шпана бездомная звала его Картина. Это потому что свой восторг он выражал одним словом: «Картина!». В трудовой колонии он так и представился, когда его попросили назвать своё имя. Там же придумали ему фамилию Воскресенский, после того как на вопрос: «Когда родился?» он, звавший название лишь одного дня недели, ответил: «Воскресенье». Так беспризорник Картина стал Роленом Воскресенским. Отчество Владимирович он уже присвоил себе сам, когда возникла в этом необходимость, навсегда связав себя с вождём пролетариата.

Трудовая колония пришлась Ролену по вкусу. Мальчик отличался сообразительностью, легко и цепко всё схватывал, хорошо учился. Здесь он вырос, окреп физически и под влиянием местных воспитателей и педагогов утвердился в материалистических взглядах. После трудовой колонии, будучи уже политически подкованным молодым человеком, он быстро сориентировался и примкнул к большевицким властям, вступил в коммунистическую партию и вскоре стал партийным функционером в области образования. Поскольку для такой работы образование требовалось, Ролен стал параллельно учиться на заочном отделении педагогического института. В сорок первом году он ушел на фронт политруком, прошёл почти всю войну без царапины, но уже на подступах к Берлину был тяжело ранен, чудом выжил, комиссовался и приехал в Москву на лечение. Через год Ролен женился на молоденькой студентке института Людмиле Ивановне Караваевой, а в декабре сорок девятого года у супругов родился сын

Антон. Ролен назвал его в честь погибшего на фронте товарища, который по случайному стечению обстоятельств оказался на шаг впереди него и принял на себя пулемётную очередь. Сам Ролен при этом не пострадал, лишь одна пуля задела его каску, не причинив ему вреда.

В 1984 году Ролен Владимирович Воскресенский был вынужден по болезни уйти с руководящей работы в статусе персонального пенсионера, а через пять лет скончался от острой сердечной недостаточности. Будучи членом коммунистической партии, он до конца своих дней оставался верен марксистским идеям, Ленину и советской власти.

В отличие от своего отца Антон придерживался иных взглядов и, несмотря на уговоры родителя, переходящие в жесткие требования, в коммунистическую партию не вступил. Юные годы Антона прошли в период хрущёвской оттепели. Неожиданная публикация в «Новом мире» повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» произвела в обществе эффект взорвавшейся бомбы. Многие советские люди если не разуверились в истинности постулатов социализма, то задумались о причинах реального положения вещей в стране. Эти годы сыграли важную роль в жизни людей всех слоёв советского общества и, разумеется, не могли не повлиять на менталитет подрастающего поколения. Ведь Антон жил уже в условиях относительной свободы, которой были лишены его родители.

Он вырос здоровым, крепким юношей приятной наружности, был физически хорошо сложен, любил играть в хоккей, занимался плаванием, увлекался шахматами. От отца Антон унаследовал волнистые каштановые волосы, карие глаза и вспыльчивый характер, от матери – иронию и доброжелательную улыбку. В школе он учился легко, быстро схватывал, не тушевался, но оценки получал средние, на учебу времени особо не тратил, в основном пропадал на улице. Она привлекала и затягивала. Что в юном возрасте может быть для мальчика главное самоутверждения? Чтобы чувствовать себя комфортно во дворе, и вообще вне дома, требовались налаженные отношения с местной шпаной. Для этого следовало либо окунаться в её среду и становиться своим (или почти своим, и уж конечно не задира́ть нос – этого шпана не терпит), либо потерять к себе уважение и быть битым. А ведь среди этих ребят в те годы были и такие, которые ходили с ножом в кармане и могли пустить его в ход. Представители этой породы признавали только сильных и волевых, притом что сами в подавляющем большинстве своём такими качествами не обладали, поэтому сбивались в стаи, создавая численное превосходство над противником, и только тогда становились смелыми. Улица тоже своего рода школа жизни. Антону пришлось пройти эту школу и научиться за себя постоять.

Что же касается образа мыслей советских юношей начала шестидесятых, коим принадлежал Антон, то здесь невозможно не упомянуть марксистскую идеологию, которая прочно насаждалась в их незрелые умы и абсолютно господствовала в сознании советских людей. Социалистический путь развития страны искренне казался гражданам единственно верным, а советский строй незыблемым. И конечно у Антона в период его взросления коммунистические идеалы, внушаемые отцом и учителями, сомнений не вызывали. Однако основы мировоззрения у него стали формироваться только в конце шестидесятых, когда он, будучи уже студентом механико-математического факультета МГУ, сблизился с либерально настроенной молодёжью, в среде которой распространялись неопубликованные произведения Солженицына и других запрещённых авторов. Знакомство с ними, а также влияние нового круга друзей и людей образованных, которые рассуждали несколько иначе, нежели его родители, на многое открыли Антону глаза. Поэтому на требование отца вступить в компартию он осознанно ответил твёрдым отказом.

В университете Антон подружился с однокурсником Виктором Востриковым из Свердловска. Вместе ходили в походы, организовывали пирушки и вечеринки с девочками, часто вдвоём готовились к экзаменам. Виктор был большой, полный, розовощёкий и очень располагал к себе открытой доброжелательной улыбкой. Жил он в общежитии и питался в основном в

студенческой столовой. Антон это знал и часто приглашал его домой, чтобы накормить домашним обедом. Каждый раз перед трудным экзаменом они готовились вместе в комнате Антона и обычно засиживались допоздна. А когда Виктор, несмотря на уговоры друга остаться, собирался уходить, Антон громко произносил:

– Мама, на помощь! Витя уходит!

– Что же ты со мной делаешь, садист?! Мне же неловко, – смущался Виктор.

Людмила Ивановна заходила к ним в комнату и ласковым голосом говорила:

– Никуда мы его не отпустим и возражений никаких не примем, так что я вам сейчас, мальчишки, постелю, а утром проснётесь, позавтракаете и опять за конспекты.

Виктор очень тянулся к Антону, был ему искренне предан и, как оказалось впоследствии, только благодаря его преданности их отношения со временем крепчали и сохранились на всю жизнь. Доверчивость и провинциальное простодушие Виктора нравились Антону, хотя они же порой становились предметом его насмешек. Однажды Виктора перед универмагом облапошила женщина. Он решил купить с рук модную рубашку, а после в пакете вместо рубашки обнаружил тряпье.

– Ну и лопух же ты! – смеялся над ним Антон.

– Я такого от женщины не ожидал, – оправдывался Виктор.

Как-то раз в походе, сидя у костра, Антон решил позабавить друзей, рассказывая, как во время лекции преподаватель философии произнёс чьё-то мудрое изречение, а затем написал его на доске, чтобы студенты запомнили. В слове «пребывание» из-за плохого мелка он неаккуратно вывел букву «р». Она выглядела как «о». Одна из сидящих у костра девушек вслух произнесла слово с заменой буквы, так и не поняв смысла. Компания взорвалась хохотом, а Виктор отвёл Антона в сторону, чтобы тет-а-тет заявить:

– Ну и мастер же ты заливать! Я же помню, слово было, но ничего неприличного.

– Скучный ты человек, Витя! Ой, скучный! А знаешь ли ты, что Зиновию Гердту сказал Утёсов, когда Гердт рассказал ему забавную историю?

– Интересно, что?

– Он сказал: «Не так это было!»

– То есть, Утёсов опроверг историю Гердта, а сам при этом не присутствовал?

– Именно! Он стал рассказывать Гердту его же историю, но уже по-своему, да так, что Гердт покатывался со смеху. А ты говоришь «заливаешь»!

Когда в СССР стали проникать записи западных рок-музыкантов, Антон страстно увлёкся The Beatles, уже снискавшими к тому времени мировую известность. Вскоре он сам научился играть на гитаре, а по окончании третьего курса отрастил длинные волосы и стал появляться в среде московских хиппи. Примкнул к большой компании парней и девушек, которые следовали этому новому, если не сказать модному движению молодёжи. В те годы московских подражателей этого направления можно было видеть в строго определённых местах центра столицы. Молодые люди, конечно, только и говорили о пацифизме, о внутренней свободе и раскованности, но нельзя сказать, что всех их объединяла идеология хиппи. Если таковая и существовала в западном мире, многие из московских приверженцев этого движения имели о ней смутное представление. Скорее, их выделяли внешние признаки. И прежде всего длинные волосы, расклешенные брюки (джинсы носили лишь немногие, поскольку в Москве они доставались за бешеные деньги), отпущенные у парней бороды или, на худой конец, усы и длинные бакенбарды. И, конечно же, отличительная лексика – новоявленный жаргон с английскими словечками. У многих присутствие цинизма и наивного, если не сказать притворного нигилизма. И ещё сексуальная распушенность, к которой активно подталкивал основной лозунг западных хиппи: «Занимайтесь любовью, а не войной!» Подразумевалась война во Вьетнаме.

Это был непродолжительный период в жизни Антона – весна и лето 1970 года, когда он несколько отошёл от привычной студенческой среды, втянувшись на основе увлечения рок-музыкой в иную сферу знакомств. И уже скоро Антон стал по ночам не приходить домой. У него появились неразборчивые короткие связи и половые контакты с раскрепощёнными девицами своего нового окружения, в результате чего в тот год ему два раза пришлось лечить гонорею. Студенческой стипендии на лечение, разумеется, не хватало, поэтому приходилось брать деньги у матери, придумывая более-менее правдоподобные причины в их необходимости. Отец Антона занимал высокооплачиваемую должность, мать работала окулистом в ведомственной поликлинике, так что жили они не бедно. В деньгах ему, когда возникала нужда, не отказывали. Однако с его ночными загулами они быстро таяли. В этих кутежах помимо спиртного часто в ходу был гашиш. Антон не мог не поддаться искушению попробовать. По неопытности он долго и жадно затягивался, не ощущая поначалу особого эффекта. Но скоро у него закружилась голова, ноги стали ватные и наступила слабость, сопровождаемая приступами тошноты. Состояние длилось недолго, но оказалось достаточным, чтобы навсегда отказаться от этой дури.

Иногда в большой компании появлялась яркая блондинка с породистой внешностью: высокая, стройная, с длинными до пояса распущенными волосами, голубыми глазами и очаровательной улыбкой. Звали её Тина. Её все воспринимали как «свою», однако по многим признакам она заметно отличалась от остальных девиц. В ночных загулах Тина не участвовала, ненормативной лексикой не пользовалась. Она редко приходила на Гоголевский бульвар, где компания имела обыкновение собираться по вечерам, а придя, долго не задерживалась, обычно болтала с кем-нибудь из старых приятелей или обменивалась с ним несколькими фразами и скоро исчезала. Но её хорошо все знали и за глаза называли женой Фреда. Имели в виду, разумеется, не зарегистрированный брак – об этом и речи не могло быть в этой среде, – а тот факт, что она постоянно жила с Фредом и только с ним. «Тина и Фред» – говорили про них. Они казались неразлучными и, как рассказывали Антону, появлялись всегда вместе. И только в последнее время Тина почему-то приходила одна. Про Фреда, который в миру оказался Фёдором Дьяченко, отзывались как о талантливом художнике-абстракционисте, картины которого по известным причинам не выставляются. В своё время он был одним из участников нашумевшей выставки советских авангардистов 1962 года, которую посетил Никита Хрущёв и крепкими словцами её разнёс.

Антон видел Фреда лишь однажды. Это произошло там же на Гоголевском бульваре. В тот вечер Фред стоял в окружении парней и девушек, которые только и делали, что смотрели ему в рот и улыбались, когда он о чём-то говорил. Антон подошёл близко, чтобы наконец увидеть пресловутого Фреда. Это был высокий, худой и уже не очень молодой шатен с бородкой и длинными волосами. Ироничный, с острым пронзающим взглядом и явно не лишенный тщеславия, он умел держать на себе внимание. Было заметно, что в своём окружении Фред пользуется непререкаемым авторитетом. Он с азартом и довольно увлекательно рассказывал, как его арестовали «мусора» и отвезли в кутузку и как затем были вынуждены отпустить, поскольку ни гашиша, ни запрещённой литературы, которых они искали, при нём не оказалось. Говорил он довольно складно, сопровождая свой рассказ выразительными жестами и жаргонными вставками, остроумно шутил, особенно когда речь шла о причине его задержания, делал перед каждой шутилкой репликой многозначительную паузу, провоцируя дружный смех слушателей.

Антону он не понравился. Во-первых, оказался старым. Мужчина, которому далеко за тридцать, двадцатилетнему парню представляется человеком из другого поколения. Антону показалось, что Фред несколько задержался в образе хиппи – чёрная повязка на лбу, придерживающая длинные до плеч волосы, расклешённые джинсы, цветная, навывпуск, рубашка с расстёгнутыми на груди пуговицами, на руке браслет, а на шее какой-то замысловатый амулет. Во-вторых, отталкивала его самоуверенная, нарочито раскованная, если не сказать развязная,

манера держаться и особенно его пренебрежительное отношение к окружающим – привилегия говорить самому и не очень слушать других.

После этого эпизода Фред больше не показывался на Гоголевском бульваре, во всяком случае, Антону видеть его не приходилось. Бродили слухи, будто Фред задержан правоохранительными органами, а Тина хлопочет о его освобождении. Однако никто толком не знал, что на самом деле с ним произошло. На вопросы о нём Тина отвечала короткой фразой: «Занят. Работает». Она выглядела взрослее девиц большой компании и была старше Антона на пять лет. Тина ему понравилась с первого взгляда. Как только она появлялась, Антон терялся, его охватывало волнение, но общаться с ней ему не доводилось. Вернее, он очень хотел, однако не решался, а она, казалось, не замечала его, а когда они встречались глазами, Антон смущённо отводил взгляд.

Контакт произошёл неожиданно. В тот вечер на бульваре вокруг поющих ребят собралась большая толпа. Трое парней и девушка исполняли песни The Beatles под аккомпанемент двух гитар и задающего ритм бубна. Молодёжь притоптывала на месте и дёргалась в такт бубну. Антон стоял возле скамейки, на которой расположились исполнители, и тоже дёргался. Вдруг сзади его кто-то потянул за руку. Он обернулся и увидел Тину. Она вывела его из толпы и просто и естественно сказала:

– Привет, Антон!

Он растерялся настолько, что вместо приветствия произнёс:

– Приятно познакомиться.

Она улыбнулась и вдруг так же естественно и просто сказала:

– Говорят, ты уже дважды лечился.

Антон сконфузился:

– Кто ж это треплется?

Он знал, что о таких вещах информация в их среде распространяется быстро, поэтому осведомлённость Тины его на самом деле не удивила. И хотя он выразил возмущение по поводу чьей-то болтовни, но в душе был даже тронут её словами, расценив их как проявление сочувствия.

– Разве это важно? – продолжала Тина. – А приходится тебе лечиться от того, что водишься с кем попало, с дворняжками. Спать надо с одной женщиной, нормальной.

В первую секунду Антон не знал, что сказать, затем нашелся:

– Такую женщину пока не встретил, – ответил он смущённо.

Она насмешливо повела бровями и сказала:

– Позвони мне завтра вечером после девяти.

Предложение прозвучало настолько неожиданно, что вместо ожидаемого «конечно, позвоню...» он произнёс нечто невнятное:

– Только... – и стал в ажитации шарить в карманах, словно искал записную книжку, которой у него не оказалось.

– Телефон несложный, – помогла ему Тина, – ты запомнишь.

– Запомню.

Она продиктовала номер, затем ещё раз обдала его тёплой улыбкой и отошла, оставив растерявшегося Антона в крайнем изумлении. Он стоял ошарашенный и с застывшей улыбкой на лице смотрел вслед удаляющейся блондинке, повторяя в уме произнесённые ею цифры.

Весь следующий день Антон провёл в нервном напряжении. Томительное ожидание девяти вечера не позволяло расслабиться. Когда минутная стрелка, наконец, чуть перевалив двенадцать, показала три минуты десятого, он позвонил. На том конце ответил старческий женский голос:

– Слушаю?

– Добрый вечер! Могу я поговорить с Тиной?

- С кем? – переспросила старая женщина.
- С Тиной, – медленно и внятно произнёс Антон.
- С какой Тиной?.. здесь нет такой.

Антон с ужасом подумал, что неправильно запомнил телефон, и вдруг молнией мелькнула в голове горькая догадка – его просто разыграли! Господи! Конечно, она его разыграла! Какой же он глупый и доверчивый! Просто лопух! У неё же есть Фред! Как он мог забыть об этом и поверить, что такая красавица может им заинтересоваться?! Антон уже собрался повесить трубку, но всё же решил проверить номер. Может, он неверно его набрал или произошла ошибка на линии, и он попал в другую квартиру:

- Скажите, это номер... – он медленно его продиктовал.
 - Да, кто вам его дал?
 - Девушка.
 - Какая девушка?
 - Какая?.. – Антон вздохнул. – Высокая блондинка, да это уже не важно...
 - Валя, что ли? Погоди, – сказала женщина. Он слышал, как она шаркающей походкой куда-то пошла и позвала: – Валь, а Валь, выйди к телефону, может к тебе.
- Через несколько секунд он услышал в трубке:
- Антон, это вы?
 - Да... добрый вечер.
 - Добрый вечер, прихватите с собой бутылку вина, – сказала Тина и добавила: – можно и закуски, если хотите.
 - Хорошо... конечно, я возьму, только... вас зовут Валя?
 - Тина – это последние два слога имени Валентина.
 - Ах, да... можно было догадаться... но я не знаю вашего адреса.
 - Да, разумеется, я и забыла... – и она продиктовала адрес.

Тина жила в Скатерном переулке в старом двухэтажном доме. У неё была комната на втором этаже в коммунальной квартире, в которой две другие комнаты занимали старые женщины. Телефонный аппарат висел на стене в центре коридора, а рядом болтался огрызок карандаша, привязанный ниткой к трубке. Стена вокруг была исписана номерами, фамилиями, именами и потёртыми фразами каких-то давно потерявших актуальность записей. Обычно к телефону подходила Тина, а в тех редких случаях, когда звонили одной из старушек, она шла к двери её комнаты и громко приглашала к аппарату. Но на сей раз старушка оказалась рядом с телефоном и подняла трубку после первого звонка.

Денег в кармане у Антона от полученной месяц назад стипендии оставалось пять рублей. Он купил бутылку красного вина, немного сыра, батон хлеба и плитку шоколада. Надпись на входной двери квартиры указывала, что Тине следует звонить три раза. Она встретила его с улыбкой и повела к себе. Комната оказалась довольно просторной и чистой, с большим выходящим в сторону тихого двора окном с двойными рамами и широким подоконником. Обставлена она была старинной мебелью. И только современная двуспальная кровать, видимо недавно приобретённая, выпадала из ансамбля, нарушая общую гармонию. Она выглядела инопланетянкой, окруженной древним, выдавшим виды гарнитуром.

Тина была очаровательна в мини-юбке, позволяющей любоваться её стройными длинными ногами. Она разложила тарелки на столе, достала приборы и стала резать сыр и хлеб. Антон безмолвно смотрел на неё и глупо улыбался.

- Открой бутылку, – сказала она, вручив ему штопор.

Даже когда они выпили вина и вроде разговорились, он чувствовал себя скованно, не знал, как подступиться к ней. Ей нравилось его юношеское волнение и то, с каким восторгом

Антон смотрел на неё. Тина подошла к нему близко, нежно провела ладошкой по его лицу и сказала:

– Расслабься, милый, всё хорошо, ты мне нравишься.

Душа у Антона счастливо затрепетала, его вдруг охватило предчувствие блаженства и придало уверенности. Он обнял её, попытался поцеловать, но она мягко придержала его:

– Подожди, не торопись, у нас всё впереди, но прежде скажи мне... ты полностью вылечился?

– Да, уже больше месяца.

В постели она называла Антона ласковыми словами, искренно проявляла к нему чуть ли не материнскую нежность и, разумеется, управляла им умеючи.

– Знаешь, а ведь я давно таких слов никому не говорила, – прошептала Тина, лаская его.

– Я самый счастливый человек на свете, – сказал он.

– Вот как? – она улыбалась.

– Да, я люблю тебя.

– Э, нет, милый, это уже перебор.

– Но я действительно...

– Стоп! – сказала Тина, приложив ладошку к его губам. – Такими словами не бросаются. И запомни, для любви надо созреть, а ты всего лишь влюблённый мальчик.

– Я мужчина.

– Конечно, милый, ты мужчина, только не говори больше про любовь, иначе мы расстанемся.

Антон удивлённо смотрел на неё. Тина его нежно поцеловала и, взглянув на часы, вдруг сказала:

– Уже поздно, дорогой, тебе пора уходить.

– Как уходить? – он опешил. – Я остаюсь у тебя.

– Но я, кажется, не приглашала тебя на всю ночь.

– Так пригласи.

– Не могу, – сказала она твёрдо.

Антон охватило беспокойство:

– Скажи, Тина... а этот твой бывший муж... или он не бывший?

– Ты про Фреда? Забудь! У нас давно всё кончено.

– Тогда почему я не могу остаться?

Она нежно провела рукой по его волосам:

– Во-первых, мне комфортно спать одной. Во-вторых, я ведь работаю, рано просыпаюсь, мне надо выспаться. Так что тебе уже пора, поторопись, пока метро ещё работает.

Антон стал одеваться.

– А где ты работаешь?

– В издательстве, корректором.

– Когда мы увидимся?

– Можешь прийти завтра в это же время, только сначала обязательно позвони. Хорошо?

– Ладно.

Она проводила его до двери. Он попытался обнять её, она улыбалась:

– Иди уже, на метро опоздаешь.

Антон вышел на тихую безлюдную улицу. Душа его пела. Он остановился посередине мостовой и посмотрел в ночное небо, тёмное, усыпанное звёздами. Антон долго любовался их блеском, даже отыскал Большую Медведицу и Полярную звезду, всё смотрел и смотрел в эту звёздную бесконечность и мысленно благодарил её за то счастье, которое ему сегодня выпало. Словно в том была заслуга этой загадочной вселенной, которая непостижимым обра-

зом управляет его судьбой. Да, он был пьян от счастья! Его переполняли чувства, которые Антон раньше никогда не испытывал. В школьные годы он однажды влюбился в свою одноклассницу и даже страдал от отсутствия взаимности, но влюблённость эта скоро угасла, после того как девочка ушла в другую школу. Да разве можно, думал он, сравнивать ту детскую блажь с его теперешним состоянием, с тем, что сейчас он чувствует, с истинным блаженством, которое его словно обволакивает! А как точно Тина подметила, что он водился раньше с дворняжками. Действительно! Теперь Антон с отвращением вспоминал свои недавние похождения и свою похоть с развязными девицами на грязных матрасах где-то в подвалах и на чердаках. И с восторгом думал о Тине, о том, какая она умная и прекрасная, вспоминал её объятия и широкую кровать с накрахмаленным постельным бельём, её опрятную и уютную комнату. Надо ли говорить, что он даже не заметил в квартире испачканные стены и пыльные паутины на грязном потолке коридора. Антон видел только Тину, был слишком ею увлечён, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Охваченный этими приятными мыслями о своей возлюбленной он пошел в противоположную сторону от ближайшего метро и спохватился лишь, когда оказался на Садовом кольце. Пришлось уже идти в направлении «Краснопресненской». Скоро его быстрые шаги перешли в бег, так как надо было успеть до часу ночи сделать в метро пересадку, чтобы добраться до «Академической». Два года назад отец Антона получил трёхкомнатную квартиру в новом ведомственном доме, расположенном в пяти минутах ходьбы от этой станции.

В следующий вечер он позвонил Тине ровно в девять:

– Привет, милая!

– Привет, Антон! Тебе не составит труда купить грамм триста докторской колбасы и хлеба? Деньги я после верну.

– Конечно, я куплю, и без всякого возврата. Может, ещё что-то нужно?

– Сигареты кончились.

– Хорошо, я ещё вина возьму и буду через час.

Антон попросил у матери три рубля, поскольку на деньги, которые у него остались со вчерашнего вечера, всего перечисленного не купишь.

Тина была в той же мини-юбке, такая же соблазнительная и улыбчивая, как в прошлый раз. Едва выложив пакеты с покупками на стол, он бросился обнимать её. Она его пожурила:

– Антон! Опять ты торопишься. Я не люблю спешки. Давай сначала поужинаем.

После утоления страсти, когда они, обнявшись, лежали в темноте, Тина сказала:

– Антон, ты извини меня, пожалуйста, за то, что заставила тебя тратиться на продукты, я с зарплаты верну...

– О чём ты говоришь? – перебил он её. – Не смей даже думать!

– Мне неловко, просто, понимаешь... я сейчас совсем пустая, позавчера пришлось всю зарплату отдать за долги.

– У тебя были долги?

– К сожалению, ещё остались.

– Ты что-то покупала? Кровать эту?

Она сначала сделала круглые глаза, затем громко и заразительно рассмеялась.

– Какой ты милый! Нет, кровать хоть и новая, но нет.

– А что за долги?

Она долго молчала.

– Не хочешь говорить мне?

Тина погладила ладошкой его лицо:

– Ну, это... зачем тебе знать?

– Затем что я... – начал Антон и чуть было не повторил слова любви, но осёкся и сказал: – Неужели я не заслуживаю твоего доверия? Ведь...

– Конечно, заслуживаешь, ты замечательный...

– Тогда поделись со мной.

– Ладно, – вздохнула Тина, – придётся сказать, но... только при условии, что ты не будешь об этом распространяться. Обещаешь?

– Конечно.

– У меня все деньги уходят на лечение. Я больна, болезнь нехорошая и... требует долгого лечения. Но ты не беспокойся, она не заразная и для тебя абсолютно безопасная. Лекарство помогает мне жить, его привозят из-за границы, канал налажен, только... стоит дорого.

Антон повернулся на бок, прижался к ней.

– Ты меня огорошила! Не могу поверить! Что за болезнь у тебя?

– Я не хочу о ней говорить.

– У тебя рак?

– Антон, пожалуйста, не надо больше вопросов, ты же видишь, как тяжело мне говорить на эту тему.

– Да, милая моя, – он крепко обнял её, – но... мне так жаль тебя, может, скажешь?

– Нет, Антон, это женские дела, и мне не нравится твоя настойчивость, я уже жалею, что сказала...

– Хорошо, хорошо, я понял и больше не буду.

– Вот умница.

Они помолчали, потом он спросил:

– А долг большой остался?

– В совокупности триста пятьдесят рублей. Я брала у нескольких человек, постепенно долги погашаю, но не все терпеливо ждут, некоторые категорично требуют вернуть деньги.

– Я тебе помогу.

– Вот ещё! Перестань! Я же не для этого тебе сказала.

– Мы погасим твои долги вместе.

– Ты с ума сошел? Я не возьму у тебя денег. Да и откуда они у студента могут быть?

– Во-первых, я их накопил, а во-вторых, получил стипендию за три летних месяца.

Разумеется, это была ложь. Деньги Антон никогда не копил, а стипендию всю уже потратил.

– Сколько ты должна этим нетерпеливым? – спросил он. – Ну, которым надо срочно возвращать деньги?

– Антон, милый, это не твоя проблема, и давай закроем тему.

– Ну почему ты отвергаешь мою помощь, неужели я тебе чужой?

– Ты не чужой, ты глупый. Денег я у тебя не возьму.

– Хорошо, возьми в долг и отдай кредиторам.

– Что это изменит? Какая разница, кому оставаться должной?

– Разница огромная, потому что я буду очень и очень терпелив, а главное – буду очень и очень счастлив. Пожалуйста, дай мне возможность помочь тебе.

Тина молчала и нежно гладила Антона по волосам.

– Не молчи, пожалуйста, скажи, – настаивал он.

– Неделю назад надо было вернуть одному сорок рублей, другому пятьдесят.

– Я завтра принесу тебе эти деньги.

У Тины покатила слеза по щеке.

– Не плачь, милая, мы закроем все долги, обещаю.

Ком в горле вынудил её перейти на шёпот:

– Но ты, пожалуйста, не сомневайся, я их верну.

Антон шёл к метро быстрой походкой и уже твёрдо знал, что деньги завтра он Тине отдаст. План возник в голове, когда они еще лежали в постели. Задумка могла обернуться для него домашним скандалом, но это было уже не важно, главное – в чём Антон не сомневался – деньги будут. Родители его имели сбережения, и он об этом знал.

Утром Антон дождался ухода отца на работу (мать обычно выходила позже), чтобы поговорить с мамой. Разговор он начал с того, что собирается поделиться с ней своей проблемой, но при условии, что она сохранит её в тайне от отца, иначе говорить не станет. Людмила Ивановна сразу забеспокоилась, ответила согласием и с тревогой в глазах смотрела на сына.

– Мама... – начал Антон и взял паузу, – со мной произошла неприятность, но ты, пожалуйста, не волнуйся, всё поправимо.

– Господи! Что случилось?

– Мам, на самом деле ничего страшного. Просто я... заразился гонореей, и мне нужны деньги для лечения.

– Боже мой! Как же ты мог, сынок?! По ночам домой не приходишь, мы не знаем где ты, с кем ты, вот и пришла беда. Давно это у тебя? Ты не запустил?

– Нет, но мне нужно сто рублей.

– Антоша, сынок, но как же так, как я могу без отца...

– Мама, прошу тебя, папа не должен знать об этом, пожалуйста.

В последнее время у Антона с отцом часто возникали трения. Родителю не нравилось поведение сына, резал глаз его внешний вид, не устраивал его образ мыслей, но особенно ему не нравилось новое окружение Антона. Отца оно сильно раздражало. Он ругал сына даже не за то, что тот исчезал по ночам, это казалось ему в порядке вещей для парня двадцати лет, а за то, что связался с распоясавшимися длинноволосыми бездельниками и тунеядцами, ведущими, как он выражался, антисоветский образ жизни, и тем самым позорил семью. Любопытно, что в юные годы Антона отцу часто приходилось видеть сына в компании местной шпаны, которая почему-то не вызывала у него беспокойства. Эти хулиганистые ребята из подворотни были ему хорошо знакомы, ведь он сам вырос на улице. Вероятно, поэтому Ролен Владимирович не видел в них угрозы для Антона, для его будущего, знал, что это всего лишь этап юности. Пусть, мол, мальчик пошалит, думал он, зато вырастет мужчиной. А новоявленных хиппи, «несущих тлетворное влияние запада», он не понимал и не мог принять.

Деньги Антон вручил Тине, как и обещал, на следующий день. Она, разумеется, была ему очень признательна и сразу же позвонила обоим кредиторам. Один из них явился за ними уже через сорок минут после звонка, со вторым Тина договорилась на завтра. Но Антон задался целью покрыть все её долги, однако, не за счёт родительских средств. У него появился новый план, реализация которого позволила бы ему не только расплатиться с кредиторами Тины, но вернуть сто рублей маме. Он чувствовал себя перед ней виноватым. Его мучила совесть за свой обман и за то, что он вынудил мать отдать ему деньги, минуя отца. План был гениально прост – разгружать вагоны на Курском вокзале. Для двадцатилетнего крепкого парня, которому понадобились деньги, решение самое подходящее. Он вспомнил, что этим иногда на каникулах занимался Виктор Востриков. Антон пришел к нему в общежитие и неожиданно попал на студенческую вечеринку. Вся студенческая братия уже была хорошо разогрета и встретила его шумно. Антон искренно обрадовался встрече с друзьями, тепло со всеми здоровался, с некоторыми обнимался. Однако уже минут через двадцать у него возникло странное ощущение, словно его вернули в полузабытое прошлое, где те же лица, с теми же разговорами и штампами, с теми же спорами и приколами, которые ему вдруг показались устаревшими и скучными. А ведь совсем недавно он сам с воодушевлением участвовал в организации подобных вечеринок,

приглашал девушек с филфака, танцевал с ними, с одной из них целовался. И, кажется, она сегодня присутствовала. Но сейчас его мысли были далеки отсюда. Он думал только о Тине, о том, какая она яркая и неординарная, какая умница, как им хорошо вдвоём и как она прекрасна в постели. Антон представил себе, какой произвёл бы фурор, придя сюда вместе с Тиной. Друзья бы ахнули от восторга. И его неудержимо потянуло к ней. Едва получив нужную информацию от Виктора касательно того, как устроиться грузчиком на вокзале, он, к удивлению своего друга и всей весёлой компании, покинул вечеринку.

Антон включили в бригаду из четырёх грузчиков. Разгружать вагоны оказалось не так просто, как он себе представлял. Антон был уверен, что хорошо натренирован – не зря же занимался спортом – и сможет таскать мешки любой тяжести, однако, как скоро выяснилось, заблуждался. Занятия плаванием не помогли, по сравнению с работой грузчика оказались лёгкой игрой. И дело не в тяжести мешков, которые он без труда клал себе на спину и носил, а в интенсивности и длительности такой работы, когда напряжение в мышцах за восемь часов накапливается такое, что после руки-ноги ноют и не дают покоя ночью. Первый день вышел самым тяжелым. Под вечер у Антона всё тело ломало, особенно болели мышцы груди и рук, боль не отпускала всю ночь. На следующее утро он пришел на работу разбитый и невыспавшийся и с удивлением наблюдал за рабочими, которые с привычной сноровкой, с шутками да прибаутками таскали мешки и даже, как ему показалось, не уставали. После работы они обычно выпивали, а наутро умудрялись приходиться свежими и бодрыми. А ведь по возрасту они ему в отцы годились: двоим было не меньше сорока, а третьему около пятидесяти лет. Работа начиналась в половине девятого и завершалась в пять вечера. Утром он заставлял себя рано просыпаться, чтобы вовремя прийти на вокзал. За каждый час опоздания удерживали одну восьмую дневного заработка. Но помимо удержания денег опоздавшего члена команды ожидало более чувствительное наказание – угрызение совести. Ведь за время его отсутствия бригаде приходилось выполнять работу в усечённом составе без какой-либо компенсации.

Первые две ночи Антон мучился, но затем боль в мышцах начала постепенно стихать. И только на четвёртые сутки он заснул легко и спал как убитый, утром проснулся бодрый, в хорошем настроении. Организм приспособился к физическому труду и новому режиму существования. Усталость в конце рабочего дня, конечно, присутствовала, но к вечеру она угасала, и ощущение дискомфорта у него исчезло. У Тины Антон появился только на пятый день после начала своей трудовой деятельности – не хотел приходиться к ней разбитым. Они общались по телефону. Она с одобрением отнеслась к его решению работать во время каникул и сказала, что сама, будучи студенткой, летом без дела не сидела. А на вопрос, кем он устроился, Антон ответил почему-то уклончиво, мол, разнорабочим на стройке. Родители знали, что он разгружает вагоны. Отцу понравилась инициатива сына:

– Это уже дело, – сказал он, – лучше, чем шататься, а то вон какой вымахал. И лохмы свои, наконец, постриги!

Людмила Ивановна переживала:

– Сынок, это же адский труд! Может, найдёшь другую работу?

Когда отец вышел из комнаты, она перешла на шёпот:

– Антоша, ты лечишься?

– Да, мама, мне уже лучше, и вообще всё будет хорошо, поверь, а деньги я верну.

– Бог с ними, с деньгами, сынок, ради них не надо надрываться.

Антон уже подсчитывал свой будущий капитал. За рабочий день ему платили восемь рублей с полтиной после вычета подоходного налога. Значит, только за месяц он сможет заработать сто восемьдесят рублей, а если выходить и в субботные дни, то получится больше двухсот – сумасшедшие деньги! Почти отцовская зарплата!

Эти летние дни казались Антону удивительными и прекрасными. Благодаря Тине жизнь его стала насыщенной и приобрела особый, до сей поры неведомый ему смысл. Тина не просто наполняла её любовью, сама того не желая, она целиком овладела им, его волей, мыслями и стала для Антона непререкаемым авторитетом. Тина много читала, делилась с ним своими впечатлениями о прочитанных книгах, с восторгом отзывалась о творчестве Хемингуэя и Маркеса, знакомила Антона с поэзией Цветаевой и Пастернака. Но дома книг она не хранила, в комнате на полке лежали одни справочники и словари, да ещё две стопки журналов «Юность» и «Иностранная литература». Её работа в редакции способствовала знакомству со многими людьми из литературной среды и помогала доставать через них, правда на короткое время, редкие для того времени книги и неопубликованные произведения опальных писателей. Специально для Антона Тина достала машинописные главы романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Он читал их в метро, по дороге на работу и обратно домой, читал с увлечением и даже несколько раз пропускал нужную станцию. Сильное впечатление произвела на Антона история Иешуа Га-Ноцри, подтолкнула к прочтению Евангелия и впервые заронила в нём интерес к Библии.

С появлением Тины прежнее беспорядочно стихийное пребывание Антона во времени трансформировалось в существование с чётко установленным расписанием суток. Просыпался он в семь с четвертью, затем после утреннего туалета завтракал и уходил разгружать вагоны; после тяжелой дневной работы он возвращался домой, принимал душ, ужинал и час-полтора спал, затем уже вполне отдохнувший в девять вечера приезжал к Тине и в начале первого ночи уходил от неё.

Так продолжалось три недели, до того дня, когда Антону выдали аванс – восемьдесят пять рублей, что составило сорок процентов от его месячной зарплаты. Он был несказанно счастлив, держа в руках впервые самим заработанные нелёгким трудом деньги. Но больше всего его радовало то, что он вечером принесёт их Тине и скажет: «Вот они! И это только начало. Я же говорил, мы закроем долги!» Антона распирало от предвкушения предстать перед Тиной мужчиной, который держит слово и заботится о ней. Он решил не ждать девяти вечера, ему не терпелось вручить ей полученные в этот день деньги, и сразу после работы поехал к ней. Входная дверь оказалась почему-то открытой. Антон вошел в квартиру и прошёл по коридору до её двери, которая тоже была чуть приоткрыта. За дверью слышались голоса. Тина говорила с каким-то мужчиной. Голос его звучал довольно возбуждённо и показался Антону знакомым. Он невольно остановился и стал прислушиваться.

– Ты пойми, – говорил мужчина, – человек внизу ждёт возле подъезда, он может уйти!

– Повторяю, у меня нет денег. Ради тебя я уже продала всё что могла, заняла денег у кого могла, вся в долгах, тебе этого мало?

– Ко мне завтра придёт покупатель, ему понравились мои картины...

– Федя, ты каждый раз это говоришь, сам ведь знаешь, что никто...

– Дура! – вдруг закричал он. – Откуда тебе знать? и что ты в этом понимаешь!.. – Потом вновь понизил голос и вкрадчиво продолжил: – Тина, милая, ну всего-то двадцать рублей, он же уйдёт...

– А в долг не даст?

– Ты что, идиотка?! – опять закричал он. – Не знаешь этих людей?! Они никогда в долг не дают.

– Тогда я не знаю чем тебе помочь, – тихо сказала она.

– Ну... займи у старушек, – произнёс он умоляющим тоном, – они дома, я их видел.

– Ты с ума сошёл? Я же не смогу им быстро вернуть. Я не стану их грабить.

– Не станешь? Стерва! Жестокая... ты же видишь, какая у меня жуткая ломка. Видишь?! – вдруг опять закричал он, затем снова понизил голос: – Тогда звони своему хахалю, он-то не откажет? Небось сладко тебе с ним, что молчишь?

– Да, если хочешь знать, сладко, потому что я для тебя уже никто, нужна только в качестве кошелька, тебе кроме проклятой наркоты ничего не нужно. Уж как я старалась для тебя, столько денег заняла, всё зря, ты лечиться не станешь...

– Звони ему, не тяни, – продолжал он требовать, словно не слышал её слов, – проси больше, человек внизу подождёт, только если быстро...

– Я Антону должна девяносто рублей, обманула его, солгала, что больна, что трачу деньги на лечение, но больше врать не намерена и денег брать у мальчика не буду.

– Что же ты со мной делаешь, сука! Ты моей смерти хочешь? – заорал он.

Антон резко открыл дверь и со звериным оскалом пошел на Фреда. Тина мгновенно вскочила со стула и преградила ему дорогу:

– Ты что тут делаешь?! – с удивлением и негодованием выдала она довольно резко. – Я же просила не приходить без звонка!

Но тут вмешался Фред:

– О! Антон! – начал он вполне миролюбиво. – Вас, кажется, так зовут? – затем обратился к Тине, бросив на неё укориженный взгляд: – Что ж ты так груба с гостем?

Фред сел на стул, положил ногу на ногу и упёрся локтем о поверхность стола, пытаясь в таком положении скрыть дрожь, которая не отпускала его. Антон смотрел на него с откровенной ненавистью и в то же время был поражен той перемене, которая произошла в этом человеке. Перед ним сидел осунувшийся, бледный, совершенно измождённый мужчина с сальными волосами и каким-то неестественным блеском в глазах. Он выглядел жалким подобием того Фреда, который с таким апломбом и самонадеянностью вёл себя в окружении своих молодых почитателей на Гоголевском бульваре всего два месяца назад.

– Антон, – продолжал Фред, – не обращайтесь внимания, она погорячилась, это результат обострения её болезни. У бедняжки начался кризис, а вы как раз вовремя пришли и можете помочь... видите ли, я должен сейчас сходить за лекарством для Тины. – Тут он повернул голову в её сторону в надежде, что она подтвердит сказанное, но она не реагировала, стояла, опустив глаза. – Препарат покупается оптом, это выгодно, оптовая покупка обходится дешевле, но... не хватает двадцати рублей. Вы смогли бы одолжить их?

Тина отвернулась и подошла к окну.

– Лекарства нужны не Тине, а тебе, – буркнул Антон с нескрываемой злобой.

Фред решил не замечать откровенного недружелюбия к себе и даже то, что к нему обратились на «ты».

– Вы ошибаетесь, молодой человек, речь идёт исключительно о здоровье Тины, ей неловко об этом говорить, но раз у вас возникли сомнения, она сейчас подтвердит...

И Фред вновь посмотрел на Тину, но Антон не стал дожидаться её реакции:

– Пошёл вон отсюда, подонок!

Тина резко повернулась к нему:

– Антон, не смей!

Фред изменился в лице, глаза его налились кровью. Он схватил лежащую на столе металлическую пепельницу, встал и двинулся на противника:

– Ах, ты ублюдок!

Антон не дал ему замахнуться, нанёс хлесткий удар в челюсть и сам удивился, с какой лёгкостью Фред полетел, роняя стул, ударился о шкаф и упал без сознания.

– Боже! – закричала Тина. – Что ты натворил, идиот?!

Она склонилась над Фредом и стала тормошить его:

– Федя, очнись... слышишь? Феденька... очнись...

Он открыл глаза и медленно прошептал:

– Я не в силах больше терпеть... я умру.

– Нет, Федя, нет... сейчас... потерпи... сейчас...

Тина быстро подошла к окну, убедилась, что человек ещё ждёт возле подъезда, выскочила из комнаты и постучалась соседке:

– Клавдия Семёновна, откройте, пожалуйста...

Антон стоял словно оглушенный и безмолвно наблюдал за ней, затем пошел к окну и через пару минут увидел, как она выскочила из подъезда, подошла к мужчине, протянула ему деньги и что-то взяла у него. Фред лежал на полу с открытыми глазами и дёргался. Тина вбежала в комнату, не обращая никакого внимания на Антона, словно его и не было, выдвинула ящик шкафа и достала шприц, повторяя:

– Сейчас, Федя, сейчас...

И тут она бросила суровый взгляд на Антона и коротко отрезала:

– Уходи!

Он смотрел на неё, широко открыв глаза. Впервые видел её в гневе.

– Тина... – начал он робко, но она прервала его.

– Всё! Уходи и больше никогда не приходи сюда!

– Но...

– Я сказала всё! Он мой муж! – произнесла она твёрдо.

Антон вдруг словно отрезвел и молча вышел из комнаты.

После окончания университета Антон получил направление в Институт Автоматики и Телемеханики АН СССР. Новое здание института, оборудованное по последнему слову науки и техники, с современным интерьером, производило впечатление современного храма науки. Здесь занимались фундаментальными исследованиями в самых разных областях науки с названием техническая кибернетика. По коридорам ходили маститые учёные, кандидаты и доктора наук, можно было встретить члена-корреспондента и даже академика. Антона приняли в качестве стажера-исследователя в лабораторию, которая занималась адаптивными системами управления производственными процессами. Атмосфера, царящая в храме науки, ему понравилась. Подкупала её демократичность, приятно удивляла доступность знаменитых учёных, невзирая на регалии, а главное – предоставляемая свобода в выборе предмета исследований.

Поначалу его робкие шаги в науке не приносили ощутимого результата. Научный руководитель Антона, кандидат технических наук Олег Лосев, дал ему для штудирования список литературы и краткую рекомендацию:

– Начните с основ, читайте работы классиков, прежде всего своих, которых видите в институте каждый день, в том числе в нашей лаборатории, – Олег улыбнулся, – и, разумеется, зарубежных. Есть неплохие обзорные статьи, из них можно почерпнуть много полезного. Знакомьтесь с новыми результатами, старайтесь не пропускать их, они помогают зарождению идеи. Впрочем, процесс не быстрый, требует опыта и знаний. Идея должна созреть. Но для начала необходимо нахвататься информации, чтобы общаться с коллегами на одной частоте. Вы меня понимаете?

Как не понять? Ох уж эта пресловутая идея! Когда речь заходила о ней, Антон чувствовал себя школяром. Ведь под идеей подразумевалось если не готовое решение некой научной проблемы, то доказательный подход к её решению. Ему очень запомнился обрывок диалога пожилого корифея с молодым учёным, услышанный им в первый день своего появления в институте:

– Ну, хорошо, оставим лирику, у вас есть идея? – спросил корифей.

– Есть, – ответил молодой.

– Замечательно! Тогда давайте завтра на семинаре вы её озвучите, и мы обсудим.

Антон почувствовал себя маленьким. Ему тогда казалось, что вокруг одни гении и только он один бездарь, случайно среди них затесавшийся.

В течение года он накапливал информацию. Посещал лекции и семинары, пропадал в читальном зале института, за редкими публикациями ходил в Ленинскую библиотеку, периодически консультировался с Олегом Лосевым. Много давало ему общение с коллегами. Антон стал часто обсуждать вопросы своей тематики с Владиславом Гурвичем, младшим научным сотрудником из соседней лаборатории. Помимо обширных знаний Гурвич обладал глубокими аналитическими способностями. Его умозаключения отличались содержательностью и часто раскрывали Антону пропущенные им детали, помогая вникнуть в суть предмета особенно на начальном этапе его научных изысканий. Антон не без зависти восторгался быстрыми мозгами Гурвича, которого в институте все почему-то звали по фамилии. Он не обижался. Это был человек непосредственный, немного чудаковатый и неряшливый, но талантливый молодой учёный. Гурвич являлся автором многих публикаций в престижных научных журналах, но при этом даже не имел степени кандидата наук. Хотя материала у него хватило бы на две диссертации. На вопрос: «Когда же?», он каждый раз отвечал: «Вот-вот», но лень, видимо, брала своё.

Исследовательская работа Антону нравилась. Со временем он почувствовал себя увереннее и даже сумел себя проявить – через год вышла его первая статья в соавторстве с научным руководителем. Антона перевели в младшие научные сотрудники. Он с головой ушел в науку, творчество захватывало, появились новые результаты. И уже на следующий год у него вышла вторая статья, а за ней третья. Ему даже повысили зарплату. Часть заработанных денег он пытался отдать маме, но Людмила Ивановна не брала:

– Зачем они нам, сынок? Ты лучше купи себе приличный костюм.

Как-то вечером, когда Антон вернулся с работы домой, она его встретила словами:

– Антоша, тебе пришёл денежный перевод.

– Какой перевод? От кого?

– Не знаю, почтальон принёс извещение.

В извещении были указаны фамилия и инициалы – Швец В.Г. Антон никак не мог понять, что за денежный перевод и кто такой Швец В.Г. Пошёл на почту. Девушка в окошке на его вопрос об отправителе сказала:

– Девяносто рублей от Швец Валентины Генриховны.

Антон продолжал с недоумением смотреть на неё. Девушка слегка подняла брови и улыбнулась:

– Похоже, вы её не знаете. Вот бы мне переводили такие суммы незнакомые люди!

И вдруг его осенило – это же Тина возвращает ему деньги, которые он брал у родителей, чтобы покрыть её долги. Надо же! Не забыла! Через столько лет! Почти четыре года! Всплыло в памяти, как она резко порвала с ним отношения, после чего начались его душевные муки. Ох, как он страдал без Тины! По ночам грезил ею, прикипел к ней так, что после разрыва с ней не знал, куда вечера девать. На Гоголевский бульвар Антон больше не ходил, не возникало желания. Недели две он истязал себя пытками – по ночам только о ней и думал, вконец не выдержал и однажды вечером после долгих сомнений решил прийти к Тине. В окне у неё свет не горел. Антон позвонил три раза в дверь, но никто ему не открыл. Он ушел и вернулся через час. Однако ничего не изменилось, свет в окне не появился. Антон позвонил в дверь один раз. Через несколько минут ему открыла старушка и сказала, что дней десять назад Валентина куда-то уехала и, кажется, надолго. А через месяц после этого визита он случайно встретил одного из завсегдатаев Гоголевского бульвара, который поведал ему, что Тина с Фредом действительно уехали из Москвы куда-то на север, то ли в Петрозаводск, то ли в Архангельск, и, говорят, навсегда.

Девушка в окошке заметила слабую улыбку, застывшую на лице Антона.

– Ну что, вспомнили, от кого деньги?

– Вспомнил.

– Слава богу! – почему-то сказала она.

Уже на третий год работы в институте Антон стал активно участвовать в разработках, которые внедрялись в крупных предприятиях страны. Участие в подобных проектах вознаграждалось неплохими премиями к зарплате. Дополнительно он занимался ещё и тем, что в научных кругах называли «халтурой» – писал для еженедельника короткие рецензии на вновь вышедшие за рубежом научные статьи в области своих исследований. Работа эта в основном сводилась к переводу аннотаций с английского на русский. У Антона появились приличные заработки, позволившие ему записаться на однокомнатную кооперативную квартиру в доме, строящемся для сотрудников института. Разумеется, для накопления денег на квартиру хорошим подспорьем являлось то, что он жил с родителями и расходы на жильё и еду у него практически отсутствовали.

Дом был уже возведён, и были подведены к нему необходимые коммуникации, оставалось завершить внутренние работы. Поэтому через пять месяцев после вхождения в кооператив, в июне 1974 года, Антон держал в руках вожделенный ордер на квартиру. Он очень гордился тем, что самостоятельно добыл себе жильё. За ужином Антон показал ордер отцу со словами:

– Вот, папа! А ты считал меня никчемным.

Ролен Владимирович слегка усмехнулся, встал и направился в спальню. Антон с удивлением смотрел ему вслед, затем повернулся к маме:

– Мам, что это с отцом?

Людмила Ивановна улыбалась:

– Мы ведь ждали этого, сынок, приготовили тебе сюрприз.

Ролен Владимирович довольный вышел из спальни и положил на стол конверт:

– Вот, сынок, здесь на мебель, думаю, хватит. Теперь можешь жениться.

Хватило не только на мебель, но и на скромное новоселье. Антон справил его через месяц после того как въехал в новую квартиру. Пришли сотрудники лаборатории: Олег Лосев – без пяти минут доктор наук, заведующий сектором и руководитель научных изысканий Антона; Дмитрий Разумовский, о котором можно сказать – поэт, донжуан и немножко кандидат физико-математических наук; Вадим Лившиц – талантливый художник-карикатурист, младший научный сотрудник, с которым Антон работал в последнем проекте. Пришла также аспирантка Оля, которую можно характеризовать одним словом – соблазнительная. Антон пригласил её с потаённой надеждой на возможную близость после ухода гостей. Пришёл его университетский друг Виктор Востриков и познакомил Антона со своей суженой Галиной. Собралась молодёжь примерно одного возраста с разницей в два-три года, и только Олег Лосев, недавно разменявший пятый десяток, выпадал из этой категории.

После бурных приветствий и беглых поздравлений с новосельем последовали один за другим тосты, остроумные и не очень, и уже скоро хмельная раскованность гостей придала веселью динамику. Дима Разумовский, разведённый холостяк и беспросветный циник, который вынужден временно жить с родителями, поскольку оставил квартиру бывшей жене с ребёнком, выступил в своём амплу. Надо ещё упомянуть, что ранее он успел договориться с Антоном о своём визите к нему на следующей неделе с какой-то студенткой. Дима взял в руки гитару и спел с листа на мотив одной из песен Окуджавы собственное произведение, в котором среди прочих куплетов были такие:

*Пусть нам наука дорога,
Но не спасёт от мастурбаций.
Спасёт лишь дом холостяка,
Он нам дороже диссертаций.*

*Когда нагрянет друг с девицей,
Втроём негоже находится.
Недаром бог велел делиться,
Хозяин должен удалиться.*

Затем начались танцы, и мужчины поочерёдно потянулись к Оле. Кроме Виктора, который сосредоточился на своей суженой. Когда настал черёд Антона ангажировать Олю, он крепко прижал её к себе и шепнул на ухо:

– Мы можем с тобой продолжить танцы, когда все уйдут.

Она кокетливо улыбнулась и сказала:

– Лучше в следующий раз.

В качестве подарка Вадим преподнёс Антону завернутый в рулон лист ватмана. После того как он его развернул, раздался смех и восторженные аплодисменты. На листе была очередная карикатура. Вадим обладал тонким чутьём художника, умел подмечать характерные особенности у людей и рисовал потешные карикатуры. На сей раз он изобразил Антона в пылу горячего диалога со своим визави, которым оказался Гурвич. Антон ему с жаром что-то объяснял, подняв кверху указательный палец, а тот, округлив глаза и вскинув брови, удивлённо слушал. Оба получились смешные и узнаваемые.

– Здорово! – воскликнул Антон и подмигнул Вадиму.

Кроме них никто не знал, что явилось подоплёкой создания карикатуры, в которой оказался Гурвич. У присутствующих не возникло сомнений в том, что на рисунке изображен момент ведения коллегами научной дискуссии. На самом деле автор запечатлел обоих за разговором, не имеющим к науке отношения. Несколько дней назад во время обеда в институтской столовой к столику, за которым сидели Антон и Вадим, подошёл Гурвич с подносом:

– Ребята, можно к вам? Все места заняты.

– Валяй, – сказал Антон, – только матом не ругайся, вокруг женщины.

– Ха! Мне нравятся твои шутки, – рассмеялся Гурвич.

Едва успел он выложить с подноса на столик блюда и стакан киселя, как пустился, что называется, с места в карьер:

– Коллеги, не далее как позавчера я наткнулся на очень любопытную стохастическую задачу...

– Гурвич, – прервал его Антон, – лучше бы ты матом ругался. Мы тут собрались говорить о высоком, а ты чёрте о чём. Скажи, футбол вчера смотрел?

– Нет.

– Так вот, – продолжил Вадим прерванную тему, – голландцы играли блестяще! Круифф чудеса творил! Ты видел?

– Я вчера в это время смотрел бразильцев, – сказал Антон. – Вот мастера! Настоящие виртуозы! Когда играют бразильцы, получаешь истинное наслаждение! Да, Круифф, конечно, хорош, но, к сожалению, голландцев я смотрел урывками, переключал канал телевизора. Вообще надо приобрести второй телевизор, чтобы одновременно смотреть две игры.

– Мне всё-таки ближе европейский футбол, – продолжал Вадим, – он более, что ли, динамичный. Немцы, к примеру, прут как танки, молодцы, но я всё же надеюсь, чемпионами станут голландцы.

Тема обоих увлекала, стали вспоминать игровые ситуации, голы, затем принялись за прогнозы, кто окажется в финале. Гурвич жевал и слушал, и вдруг сказал:

– Я тоже начал вчера смотреть чемпионат, а жена говорит, переключай, мол, надоел твой футбол.

– И ты это терпишь? – возмутился Антон.

– А что делать, ей хочется фильмы смотреть, а телевизор один.

– Нельзя такое спускать. Чемпионат мира проводится раз в четыре года.

– Ей на это наплевать.

– Да, брат, повезло тебе! Ежовые рукавицы не колют?

– Не преувеличивай, – улыбнулся Гурвич, а затем, чуть подумав, неожиданно спросил: – Слушайте, коллеги, может все жены со временем становятся ядовитыми? Есть какие-то исследования на эту тему?

– Все! – уверенно ответил Антон. – Вне всяких сомнений. Однако есть противоядие! – здесь он поднял кверху указательный палец.

– Интересно, какое?

– Изнасилуй её!

– Что? То есть? – Гурвич не понял.

– Метод эффективный, почти безотказный.

– Что ты имеешь в виду, брать лаской или силой?

– Я имею в виду изнасилование в самом прямом, пещерном смысле этого понятия, – произнёс Антон с видом многоопытного знатока. – Здесь главное неожиданность. Именно она способствует достижению высокой цели. А цель, сам понимаешь, святая – добиться метаморфозы у женщины, то есть превратить мегеру в ласковую и заботливую супругу.

– Ха! Насилием, что ли?

– А ты попробуй. Для начала можно сделать следующее. – Тут Антон глубокомысленно взял небольшую паузу. – Допустим, открывает жена тебе дверь. Ты, не произнося ни слова, – это важно! – хватаешь её и несёшь, скажем, на кухню или в ванную, но лучше на кухню – там есть стол. Не обращаешь внимания на расспросы, возгласы, возмущение, сразу кладёшь её на стол лицом вниз. Поднимаешь платье, срываешь трусы и действуешь, не мешкая. В этом деле главное стремительность, чтоб не дать ей опомниться и не упустить момент. И тогда метаморфоза неизбежна, успех гарантирован.

– Забавно! – улыбался Гурвич, продолжая жевать, – интересно, ты сам-то часто прибегал к такому способу?

– Регулярно! Как только у неё повышался градиент стервозности.

– Антон, не забудь добавить, – смеялся Вадим, – что ты не женат.

– А! – воскликнул Гурвич, – тогда ясно, откуда у тебя такая смелость.

– Ты не понимаешь, – продолжал уверять его Антон, – речь идёт о женской особи как таковой. Метод научно обоснованный, базируется на парадоксальных свойствах женской психологии. Об этом ещё Фрейд писал.

– Ладно, ладно, – усмехнулся Гурвич. Потом вдруг предложил: – Слушай, говорят у тебя новая квартира. Раз ты холостой и живёшь один, может, устроишь для нас с Вадимом просмотр полуфинала чемпионата у себя дома? А мы возьмём пивка и чего-нибудь на закуску.

– Предложение заманчивое, но, к сожалению, невыполнимое.

– Почему?

– Потому что нет у меня телевизора, я хожу к родителям смотреть футбол.

– Как же ты собирался покупать второй телевизор, когда у тебя даже одного нет?

– А я сначала второй куплю.

– Ха! Весёлый ты парень.

Через пару дней Гурвич, заметив Антона в коридоре института, окликнул его и с довольной физиономией подошел. У него была излюбленная манера излагать свои мысли коллегам «в кулуарах». Антон подумал, что гения вновь посетила идея, но вдруг услышал:

– Старик, я попробовал твой метод.

– Какой метод?

– Тот, о котором ты говорил за обедом.

Антону понадобилось пару секунд, чтобы сообразить, о чём речь.

- Что ж, хвалю! Поступок истинного учёного! И как прошёл эксперимент?
- Удался.
- Я не сомневался.
- Разумеется, не так, как ты советовал, – улыбался Гурвич, – но фактор неожиданности, безусловно, срабатывает. Женщинам нравятся сюрпризы.
- Я же говорил, наука не дремлет! Дерзай коллега! Обращайся, если что.

Слова Оли «Лучше в следующий раз» Антон запомнил и после дня новоселья искал удобного случая пригласить её. Но она почему-то стала избегать его, и даже случайно столкнувшись, холодно здоровалась, не задерживаясь. Антон решил, что был слишком наивен в своих ожиданиях. Но однажды поздно вечером у него раздался телефонный звонок:

- Привет! Это Оля.
- Привет... – удивился Антон.
- Ты один?
- Да...
- Примешь меня?
- Конечно.
- Буду через сорок минут.

Она пришла ближе к полуночи и рано утром ушла к себе в аспирантское общежитие. Через несколько дней история в точности повторилась. На предложения Антона остаться утром позавтракать Оля отвечала:

- Это лишнее.

Ответ казался Антону странным, однако он не настаивал. В постели они почти не общались. Постичь её поведение он не мог. В институте Оля продолжала избегать его, а во время вынужденных встреч вела себя подчёркнуто холодно, обращалась к нему на «вы». Антона это коробило, хотя он понимал опасение девушки – слухи о подобных связях в институте распространялись стремительно.

Когда в третий раз после страстной ночи она утром собралась уходить, Антон попытался её остановить:

— Оля, послушай, ну куда ты спешишь? Сегодня же выходной, мы можем провести день вместе. В «Художественном», например, началась неделя итальянского кино. Давай сходим?

И вдруг слышит:

- Это лишнее, у меня есть жених.
- Что?

– Он послезавтра приезжает в Москву на несколько дней, – продолжала Оля. – Меня неделю не будет в институте.

Она взглянула на изумлённого Антона, который смотрел на неё, выкатив на лоб глаза, и, прежде чем закрыть за собой дверь, с улыбкой бросила:

- Пока!

Накануне нового 1976 года в лаборатории по традиции накрыли праздничный стол. Присутствовал заведующий лабораторией, доктор технических наук Натан Самойлович Берковский. Он произнёс первый тост, сказал несколько общих слов о достигнутых сотрудниками лаборатории результатах за прошедший год, похвалил всех присутствующих, но упомянул всего три фамилии, включая Олега Лосева. «Ну конечно, меня называть не обязательно, а записаться в соавторы можно. Хотя так наверняка думаю не я один», – мелькнуло в голове у Антона.

Не так давно в престижном научном журнале вышла большая статья с результатами исследований Олега Лосева и Антона. Когда за полгода до публикации Олег представил заведующему лабораторией рукопись статьи, Натан Самойлович сказал:

– Оставьте, я на днях прочту.

Уже на следующий день он вернул Олегу рукопись, в которой первые четыре предложения были зачёркнуты с коротким комментарием: «Это лирика!» Пристёгнутый к рукописи лист бумаги содержал от руки написанных высоким слогом два абзаца, которые ненавязчиво предлагались в качестве вступительной части статьи. После чего она вышла с тремя авторами. Первым упоминался Берковский.

– Натан Самойлович никогда не подключается просто так, ему непременно нужно внести свою лепту, – сказал Олег с нескрываемым пиететом к заведующему лабораторией.

– Это благородно, – заявил Антон, – без него никак, разве есть у нас свои мысли?

– Послушай, – Олег понизил голос, – напрасно злорадствуешь, ты написал статью в соавторстве с маститым учёным и должен понимать, что это пойдёт в твою копилку. Кстати, тебе пора оформлять диссертацию, материала достаточно.

– Не уверен, может на главу и хватит, но на три... вряд ли.

– У тебя уже есть результаты и публикации, начни писать, там видно будет.

Каждый понедельник на выставке институтской библиотеки обновлялась экспозиция журналов и книг. Выставлялись свежие публикации научных изданий. Уже с утра выставку начинали посещать сотрудники для ознакомления с новинками. Обычно раньше остальных приходил Гурвич, чтобы первым записаться на интересующие его издания, поскольку после завершения недельной экспозиции они направлялись подписчикам по списку. Его научные интересы отличались большим разнообразием и не ограничивались тематикой помехоустойчивого кодирования, в которой он чувствовал себя как рыба в воде. Гурвича вообще интересовало всё, что можно математически описать.

В то утро Антон пришел на выставку довольно рано, надеясь быть первым, но Гурвич уже стоял с журналом в руке и увлечённо читал. Кто бы сомневался!

– Доброе утро, коллега! Тебя невозможно опередить, – сказал Антон.

– Привет! Ужасно интересно! – Гурвич не отрывался от журнала. – Ты потом прочти эту статью.

Он держал в руках американский журнал IEEE Transactions on information theory.

– А что там?

– Эти два парня из Массачусетского технологического института совершили революцию в криптографии. Они предлагают использовать для шифрации открытый ключ. Представляешь?! Любой может зашифровать сообщение и отправить адресату. А раскрыть его под силу лишь тому, кто владеет ключом дешифрации, то есть только получателю. Идея проста, как штопор, и в то же время гениальна! Лишнее подтверждение тому, что гениальное действительно просто. А какая математика красивая! Рекомендую.

Статья называлась *New direction in cryptograpy* (Новое направление в криптографии). Авторы: Уидфилд Диффи и Мартин Хеллман. Идея действительно выглядела оригинально. Антона она живо заинтересовала. Очень быстро статья вызвала интерес у многих учёных, и уже скоро спровоцировала настоящий бум в области криптографии. Предлагаемый в статье способ решения основной проблемы систем шифрования показался Антону настолько неожиданным, что тема вскружила ему голову. Он стал ездить в крупные библиотеки Москвы (ГПНТБ, Ленинскую), изучать литературу по криптографии и заказывать копии статей со свежими результатами в этой области. Вся доступная информация, как и следовало ожидать, оказалась зарубежной, за исключением пары обзорных статей, базирующихся на результатах иностранных учёных. Антона особенно привлекало то, что тема, которая в нашей стране глухо закрыта,

зарубежными коллегами открыто обсуждается в научных журналах, правда с оговоркой, что предлагаемые способы предназначены для защиты информации исключительно в коммерческих структурах и не касаются государственных органов. Собственно поэтому они открыты.

Олег заметил на столе у Антона копии нескольких статей и спросил:

– Тебя заинтересовала криптография?

– Да.

– Эта тема у нас в стране закрыта.

– Знаю, но никто не может воспрепятствовать занятию коммерческой криптографией, которая публикуется в открытой печати. Мало того, авторы статей призывают учёных всего мира пытаться «разрушить» представленные схемы шифров, чтобы удостовериться в их стойкости, либо в её отсутствии. И в этом плане открытость исследований коммерческих систем является их бесспорным преимуществом. Поскольку такими системами можно пользоваться и считать их относительно стойкими лишь до тех пор, пока многократные и всесторонние попытки «разрушить» усилиями пытливых умов, вооружённых мощными вычислительными ресурсами, окажутся безуспешными. Это же здорово! – восторженно говорил Антон.

– Да, я пролистал несколько статей, действительно интересно, но не вижу корреляции с нашей темой.

– Знаю, однако хочу этим заняться.

– Хорошо, только сначала заверши диссертацию.

– Материала у меня не достаточно для диссертации. И слава богу, – Антон улыбнулся, – иначе пришлось бы её защищать.

– Ты это серьёзно? Решил радикально поменять тему?

– Решил. Меня увлекла современная криптография. Изящная математика!

– Тебя могут закрыть. Ты хочешь печататься в закрытых журналах?

– Нет, этого я совсем не хочу. Если что-то у меня получится, отдам в открытую печать.

Олег пожал плечами:

– Воля твоя, но советую ещё раз хорошенько подумать.

Антон стал по средам посещать Ленинскую библиотеку. В эти так называемые библиотечные дни в институт он мог не ходить. Ему нравилась умиротворяющая тишина читального зала. Она позволяла сосредоточиться и спокойно подумать, на работе у него это редко получалось. Парадоксально, но иногда что-то путное вдруг приходило ему в голову в самых неожиданных местах и ситуациях. Например, в бассейне во время плавания или, как однажды это случилось, во время телефонного разговора на бытовую тему с диспетчером по дому.

За окном начинало темнеть. Антон сидел уже третий час, не вставая, за столом читального зала Ленинской библиотеки. Наконец он оторвался от чтения, сделал последние записи, посмотрел на часы и вдруг ощутил острое чувство голода. Молодой организм безотлагательно требовал заправки. Он выпрямил спину, слегка повёл плечами, как бы разминаясь, зевнул, закрыв рот кулаком, затем резко встал. Собрав со стола свои записи и журналы, которые следовало сдать в хранилище, Антон выключил освещение над столом и пошёл на выход из читального зала. Перед ним вдоль прохода между столами шла молоденькая девушка, держа в руках башню из семи книг. Верхнюю книгу она поддерживала подбородком, но та с каждым её шагом всё больше отходила от башни и наконец, выскочив из-под подбородка, полетела вниз. Антон подскочил, пытаясь её поймать, но не успел, книга упала на пол. Он её поднял:

– Давайте я помогу вам сдать эту макулатуру, – сказал он девушке, взяв у неё из рук три книги.

– Огромное вам спасибо! – она улыбнулась.

«Интересная! – мелькнуло у него в голове, – стройная, обаятельная, с умным взглядом».

– Зачем вам такое количество макулатуры? – спросил он.

- Чтобы отыскать алмаз в ворохе руды.
- Вы землекоп?
- В известном смысле да. Копаюсь в анналах истории.
- Аспирантка?
- Пока студентка исторического факультета МГУ. А вы, наверно, аспирант?
- Я? Да.

Антон действительно в тот год поступил в заочную аспирантуру института по настоятельной рекомендации Олега Лосева. Он тянул с написанием диссертации. А поскольку аспирантура устанавливала определённые сроки и требовала к этим срокам частями сдавать результаты работы над диссертацией, это могло подстегнуть Антона к её написанию.

Он любил задавать людям провокационные вопросы. Чаще это делал при знакомстве, и по реакции человека составлял о нём суждение, впрочем, не всегда справедливое. Сейчас Антон шёл рядом с красивой девушкой и бесцеремонно её разглядывал. А поскольку она лишь улыбалась, не обращая внимания на его назойливые взгляды, он решил спровоцировать её бестактным вопросом:

- Признайтесь, вы специально уронили книгу, чтобы со мной познакомиться.

Она остановилась и с любопытством посмотрела на Антона. Он уже ждал, что сейчас последует уничтожающий ответ, бьющий наотмашь самонадеянного глупца, но девушка вдруг засмеялась и сказала:

- Признаюсь. Слукавила. Специально. Вам приятно?
- Очень приятно, – Антон улыбался. – И часто лукавите?
- Впервые согрешила.

Внутри у него что-то зашевелилось, заиграло.

- Меня зовут Антон.
- Редкое совпадение, я Антонина.

В этот вечер он заполучил у Тони номер её домашнего телефона, и они стали встречаться. Чувство к ней у Антона возрастало с каждой новой встречей, и уже скоро она пленила его окончательно. Он восхищался её красотой и умом и, к своему удивлению, обнаружил, что, будучи старше Тони на восемь лет, во многом ей уступает. Она отличалась любознательностью, больше читала, лучше знала историю и литературу, у неё был шире кругозор.

Его звонки Тоне стали ежедневными.

- У тебя детский голосок по телефону, – сказал он ей однажды.
- Это один из моих недостатков.
- Напротив, одно из многих твоих достоинств.
- Ты очень снисходителен ко мне. Это приятно.

Тоня росла без отца и носила фамилию матери. В детстве за ней с трогательной заботой ухаживали бабушка и дедушка: Вера Степановна и Сергей Петрович Вагановы. Рождение Тони явилось для них счастливым подарком, поскольку они уже не надеялись, что их единственная дочь Тамара, которой уже было за тридцать, когда-либо выйдет замуж. Она отличалась твёрдостью характера и категоричностью суждений, и этим часто отпугивала мужчин, несмотря на свою внешнюю привлекательность. Казалось, мужчины её избегают. И вот, наконец, в жизни Тамары неожиданно возник Гриша – серьёзный, основательный, старше её на десять лет. С его появлением Тамара преобразилась. Рядом с Гришей она становилась терпимой и покладистой, относилась к нему с трепетом и впервые в жизни выглядела счастливой. Они встречались около двух лет. Тамара упивалась своим счастьем и терпеливо ждала предложения от любимого человека. Но для родителей, желающих увидеть внуков, эти два года ожидания замужества дочери длились томительно долго. Они сильно тревожились за её судьбу. Ведь ей скоро исполнится тридцать три, да и характер у неё не сахар. Правда Сергею Петровичу будущий

зять изначально пришелся не по душе, показался высокомерным и неискренним, и к тому же был разведён. Однако по всем прочим признакам вполне соответствовал вкусу привередливой Тамары: солидный, состоявшийся, даже представительный начальник отдела крупного предприятия и, что немаловажно, живущий в однокомнатной квартире ведомственного дома возле метро «Сокол». Квартира была недавно им получена от предприятия и ещё окончательно не обустроена. Тамара здесь бывала и нередко оставалась на ночь. Она очень ценила деловые качества Гриши, видела в нём будущего успешного руководителя. И это ей льстило. Когда Сергей Петрович нелюбезно высказал своё мнение о нём, Тамара стала уверять отца, что он просто не знает Гришу:

– Папа, деловые люди всегда кажутся на первый взгляд высокомерными и могут даже показаться неискренними человеку несведущему. На самом деле он совершенно другой.

Объяснение не показалось Сергею Петровичу убедительным, но, как ни странно, именно он инициировал замужество дочери:

– Ты хочешь выйти за него замуж?

– Да, папа, мы любим друг друга.

– Что же не женитесь?

– Ну... – Тамара смутилась, – об этом мы не говорили...

– А почему?

– Ты считаешь, я должна сама...

– Нет, я так не считаю, – прервал её отец.

Убедившись в твёрдости намерения дочери выйти замуж за Гришу, он решил действовать. Пригласил его на обед. Гриша принял приглашение с удовольствием. Ему нравилось у них обедать. Ел он много и сытно и, как всегда, расхваливал блюда, приготовленные хозяйкой:

– Вера Степановна, вы чудесница!

Перед десертом Сергей Петрович пригласил его в соседнюю комнату пообщаться. Тамара бросила на отца тревожный взгляд, догадываясь, о чём он собирается говорить, и, нервно комкая в руке салфетку, села в ожидании на стул. Вера Степановна возилась на кухне, вернувшись, увидела, что стол к десерту не готов.

– Ты что задумалась? – спросила она дочь, – поставь чашки из сервиза.

– Да, сейчас.

Закрыв за собой дверь, Сергей Петрович сразу, минуя предисловия, начал прямо без обиняков:

– Чего резину тянешь?

Гриша опешил, в первый момент даже не понял вопроса:

– Вы имеете в виду...

– Да, именно это я имею в виду, – сказал Сергей Петрович твёрдым голосом. – Меня не может не беспокоить судьба нашей дочери. У вас с Тамарой близкие отношения, вы вместе уже более двух лет, и я не очень понимаю, чего нам с матерью от вас ждать. Ведь Тамаре скоро будет тридцать три года, но ты никаких шагов не предпринимашь, и это меня тревожит. Если есть на то причины, или у тебя другие планы, скажи, я вправе знать.

Сергей Петрович смотрел на Гришу испытывающим взглядом, полагая, что сейчас последуют, скорее всего, какие-то объяснения или даже оправдания затяжки столь важного решения, но реакция Гриши оказалась неожиданной. Он вдруг заулыбался, вытянулся, приняв многозначительный вид, и сказал:

– Уважаемый Сергей Петрович, чтобы рассеять все ваши опасения, хочу сообщить, что мы с Тамарой решили пожениться, и я официально прошу у вас её руки и сердца.

– Вот как?! Что ж, хорошо, я согласен. И когда наметили свадьбу?

– В самое ближайшее время, но прежде мы должны подать заявление в загс. Завтра же это сделаем и сообщим вам дату бракосочетания. Я закажу ресторан. Детали обсудим после.

– Ладно, – сказал Сергей Петрович уже изменившимся тоном, – признаться, мы с Верой Степановной не были в курсе ваших планов. Тамара не предупредила. В противном случае я бы не стал заводить с тобой этот разговор. Надеюсь, я не был слишком бестактен?

– Ну что вы, разумеется, нет. Ваши отцовские чувства понятны и вполне естественны. Я ведь собирался с вами поговорить на днях, но вы меня опередили, и в этом я виню только себя.

Оба довольные вышли в большую комнату, где был уже накрыт чайный стол. Женщины с любопытством взирали на улыбающихся мужчин в приподнятом настроении. Что-то им подсказывало о значительности разговора за закрытой дверью. Гриша подошёл к Тамаре, взял её руку и торжественно произнёс:

– Дорогая Томочка, я только что попросил у Сергея Петровича твоей руки и сердца и получил его согласие. Так что завтра подаём заявление в загс.

Тамара обняла его и тихо шепнула на ухо:

– Какой приятный сюрприз!

Вера Степановна захлопала в ладоши, подошла и поцеловала сначала Тамару, затем Гришу и сказала:

– В холодильнике есть бутылка шампанского, сейчас принесу.

Заявление в загс подали, как и было обещано, на следующий день. И началась суeta по подготовке к предстоящей свадьбе. Примечательно, что назначенный в загсе день торжественного бракосочетания совпал с днём рождения Тамары. Впрочем, торжественность не предполагалась, и вообще решено было свадьбу справить скромно в семейном кругу. На этом настаивал жених. Гриша был уже однажды женат, и второй свой брак афишировать не желал. Тамаре понравилась его идея отметить событие камерно. Будучи человеком малообщительным, она чуралась большого скопления людей и не любила шумных застолий. Должны были присутствовать родители жениха и невесты и Тамарина школьная подруга с мужем, которых она пригласила в качестве свидетелей во время церемонии бракосочетания. За три дня до свадьбы собирались приехать из Ростова родители Гриши. Тамара с ними не была знакома, знала о них только то, что работают в сфере торговли.

Ресторан на окраине Москвы, предложенный женихом, Сергей Петрович забраковал, пошёл и заказал стол на восемь человек в престижном «Арбатском» в центре столицы. Гриша не возражал, обещал оплатить счёт. Вера Степановна сшила для Тамары свадебное платье из нежно-голубого крепдешина. Оно по просьбе невесты получилось открытым, на двух бретельках, и к нему прилагалась из того же материала изящная короткая накидка с вышивкой. Платье не было в строгом смысле свадебным, поскольку доходило всего лишь до колен, но выглядело очаровательно и, несомненно, подходило для торжественного случая. Сергей Петрович решил купить для молодоженов кольца и попросил дочь сходить с ним в магазин для новобрачных.

– Папа, спасибо, конечно, но Гриша купит. Он взял у меня размер, а у него уже есть обручальное кольцо. – Тамара выразительно развела руками, мол, что поделаешь, второй брак.

Приближался день бракосочетания. Тамара с волнением ждала знакомства с родителями Гриши. Однако за три дня до свадьбы они не смогли приехать. Гриша объяснил, что у матери сейчас неотложные дела, которые она не может надолго оставить, поэтому родители приедут в день торжества.

Днём на работе Тамару попросили к телефону. В трубке прозвучал незнакомый женский голос:

– Здравствуйте, Тамара. Это Аня, жена Гриши. Вы за него замуж собираетесь, хочу с вами поговорить...

– Я не знаю, как звали бывшую жену Григория, и знать не хочу, он с ней давно развёлся. Говорить мне с вами не о чем, и не смейте больше мне звонить!

Она успела чуть отнять трубку от уха, собираясь её повесить, как вдруг услышала:

– Он спит со мной раз в неделю.

Тамара вновь прижала трубку к уху.

– Что?

– Вы можете это проверить. Я вам не враг, поверьте, и даже не против ваших встреч с ним, но ради бога, давайте поговорим, я ведь давно живу с Гришей, а вы, похоже, его не знаете... Алё, вы слушаете?

– Да.

– Я звоню с улицы, недалеко от вашей работы, видела, как Гриша встречал вас с цветами. Вы можете выйти?

– Могу.

– Тогда давайте встретимся через десять минут на Страстном бульваре. Я к вам подойду.

Тамара шла на встречу с дурным предчувствием, но всячески отгоняла от себя мысль о том, что могла ошибиться в своём избраннике. Не может быть, думала она, чтобы Гриша спал со своей бывшей женой, с которой расстался более двух лет назад. Зачем было в таком случае с ней расставаться? Неужели ей пришлось соврать, только ради этой встречи? Но откуда она знает о предстоящей свадьбе? И вообще, что этой Ане нужно? Тамара мысленно сосредоточилась на наименее болезненной для себя причине, ради которой Аня желает с ней встретиться. Ей хотелось думать, что бывшая жена Гриши собралась чисто по-женски отомстить ему за то, что когда-то оказалась брошенной, и решила наговорить о нём гадостей накануне свадьбы, чтобы её расстроить. Если она преследует такую цель, думала Тамара, придётся дать достойный отпор интриганке и отшить её.

Выйдя на бульвар, Тамара поймала себя на том, что больше всего ей хочется увидеть и оценить эту Аню, сравнить с собой и понять, чем она могла привлечь Гришу.

Женщина встала со скамейки, мимо которой Тамара чуть было не прошла, и улыбнулась. Тамара несколько удивлённо взглянула на неё и, ничего не говоря, села на скамейку. Аня выглядела простой и неухоженной. Неужели, думала Тамара, эта кошёлка могла понравиться Грише?

– Я вас видела вместе, – начала Аня, – и удивилась, что вы оказались примерно моего возраста, ну может чуть моложе. До вас у него были одни девчонки двадцатилетние. Я из-за них поначалу страдала, всё думала, бросит меня Гриша, разлюбит, но опыта в жизни набралась и поняла мужика. Понимаете, ему время от времени кто-то нужен на стороне, иначе он звереет, а со мной всегда ласков. То, что я ему даю, никто не даст, это я нутром чую. Когда у нас сын родился, Гриша стал...

– Сын?

– А вы не знали? Ванечке двенадцатый год пошел, растёт мужичок, умница, весь в отца. Свекровь со свёкром, когда приезжают, наглядеться не могут, как есть Гриша в детстве. Он у нас математик, Гриша думает отдать его в школу с математическим уклоном...

– Думает?

– Да, то есть... вы о чём? Ах, об этом, да, конечно, мы же с Гришей развелись не со зла, а по необходимости...

– По необходимости?

– Ну, да, у нас комната в коммуналке. Когда Ваня родился, Гриша взялся решить вопрос с жилплощадью. Пришлось развестись. Вы же знаете, как у нас сложно получить квартиру. А он добился, и всё для сына старается. Мы теперь прописаны в однокомнатной квартире на «Соколе», а Гриша остался в коммуналке в центре. Но нам с Ваней не с руки туда ездить, и от работы далеко, и от школы. А Грише удобно на «Соколе», рядом с работой, говорит, через год-другой будем съезжаться в большую квартиру. Он теперь к нам раз в неделю приезжает, по четвергам, работы много. Бывает и в выходной приедет, чтобы с сыном погулять, но обычно в субботу работает, а в воскресенье с друзьями за городом. О бабах его на стороне я знала,

разные они у него были, но о женитьбе Гриша никогда не помышлял. Ты у меня, говорит, одна такая, своя, единственная. Я верила и была спокойна. А неделю назад чистила ему пиджак щёткой, край чем-то был испачкан, приподняла его, чтоб потереть, и тут из кармана кольцо обручальное выпало, новое, с ценником. Испугалась я не на шутку, думаю всё, разлюбил меня Гриша, раз жениться надумал. Собралась духом, хотела спросить про кольцо, но дай, думаю, подожду, посмотрю, как ночь пройдёт, и положила его обратно в карман. А ночью Гриша как всегда был ласков и горяч. Я и решила сначала с вами поговорить. Выследила его, взяла грех на душу, уж простите, видела, как он с цветами к вам на работу приходил, телефон ваш по справочнику нашла. Вот и думаю, раз он спит со мной, значит, не разлюбил меня. А вы, если хотите, можете встречаться с ним, я не возражаю, но замуж-то зачем? Может, откажетесь? Всё-таки муж он мне, сын у нас растёт, что скажете?

Тамара смотрела на эту странную женщину, которая с тревогой и надеждой обращалась к ней, и думала уже не о Грише, а о том, как сама она мало знает жизнь и людей, и как многообразна и подчас непонятна человеческая порода. Не дождавшись ответа, Аня продолжила:

– Если мне не доверяете, вот мой адрес, – она достала из сумки и положила на скамейку скомканный клочок бумаги. – Сегодня четверг, Гриша к нам приедет вечером около семи. Он любит с сыном заниматься. А утром уходит на работу обычно в половине девятого. Я номер квартиры не указала, только дом и подъезд... вам же только увидеть его, чтобы убедиться. Зачем нам скандал, правда? Вы ведь интеллигентная женщина...

– Ясно, – сказала Тамара, медленно встала и так же медленно, словно во сне, пошла.

Аня удивлённо смотрела ей вслед. Сделав несколько шагов, Тамара остановилась и задумалась, затем быстро вернулась и взяла лежащий на скамейке клочок бумаги. Аня схватила её за руку:

– Только умоляю вас, не говорите Грише, что мы встречались, пожалуйста, скажите, что вы сами о нас узнали. Я вас очень прошу.

Тамара молча освободила руку, отвернулась и пошла обратно по бульвару.

На следующее утро она с восьми часов прогуливалась возле дома Ани. Когда минут через тридцать Гриша вышел из подъезда, она направилась ему навстречу. Увидев её, он остановился и от удивления открыл рот. Тамара улыбалась:

– Я пришла сказать тебе, что ты – мерзавец, и ещё потребовать, чтобы ты никогда в моей жизни больше не появлялся.

Сказав это, она отвернулась и твёрдым шагом стала удаляться. Гриша не успел проронить слова. Но он даже не пытался догнать её.

Когда Тамара сообщила отцу, что свадьбы не будет, и объяснила причину, Сергей Петрович заметно воодушевился:

– Вот как? Он оказался прохвостом?! Собственно, как я и предполагал! Так это же к лучшему! У меня словно камень с души свалился! Ты, дочка, наконец, созрела, и я этому очень рад.

– Чему тут радоваться? – грустно произнесла Вера Степановна.

– Я позвоню в ресторан, отменю свадебный стол, и бог с ней, с предоплатой, она не очень большая.

– Серёжа, может не надо? Ведь у Томочки день рождения, – предложила Вера Степановна.

– Действительно, я как-то не подумал. Хорошая идея! – похвалил он жену, – отметим день рождения в ресторане.

Справлять день рождения все пришли приодетые. Тамара надела новое платье. Сергей Петрович был в строгом чёрном костюме с жилетом, в кармашке которого носил часы. Серебряная цепочка, кокетливо свисая из кармашка, тянулась к нижней пуговице жилета. Вера Сте-

пановна была в бордовом платье с пристёгнутой к груди крупной золотой брошью, украшенной камнями. Кроме родителей присутствовали Тамарина школьная подруга с мужем, которых она ранее пригласила на свадьбу в качестве свидетелей.

Официант принёс шампанское, открыл и разлил по бокалам. Сергей Петрович уже собрался произнести первый тост за именинницу, как вдруг появились двое из Ростова – крупная женщина с большим пакетом и худой мужчина с тяжелой сумкой. Оба изрядно запыхавшиеся.

– Здравсьте, родственники! – радостно воскликнула женщина, – сейчас будем знакомиться. А где Гриша? Куда делся? – и, не дожидаясь ответа, – а вот и наша невеста!

Сказав это, она быстро подошла к Тамаре:

– Это тебе, дорогая, – и протянула ей пакет, который Тамара резко отвела от себя рукой.

Женщина положила пакет на стол и стала оправдываться:

– Ну, извини, невестушка, так уж получилось, не смогли мы с отцом раньше приехать. Самолёт опоздал, пришли в загс, а там уже другие брачуются. Хорошо, что Гриша сказал, в каком ресторане свадьба. А где он сам? Отошёл куда? – и опять, не дожидаясь ответа: – Борь, открывай сумку, доставай! У нас там разносолы, сейчас выложим и будем знакомиться...

Сергей Петрович уже встал, готовый высказаться, но Тамара его опередила:

– Стоп! – остановила она женщину, – послушайте, какие разносолы? какой загс? какой Гриша? вы вообще куда пришли? Мы здесь справляем день рождения! А вы вдруг нагрянули неожиданно-негаданно, пришли к незнакомым людям с каким-то пакетом и сумкой и портите наш праздник.

Женщина вдруг точно онемела, а мужчина, уже успевший выложить на стол что-то мягкое, завернутое в газету, положил его обратно в сумку. Оба с недоумением смотрели на Тамару.

– Как?.. День рождения? – произнесла женщина с удивлением, затем стала растерянно оглядываться вокруг, ища глазами то ли свадебный стол, то ли Гришу, которого потеряла.

– Заберите ваш свёрток, – брезгливо указала Тамара на пакет, когда они стали уходить.

Тамара видела, как они подошли к официанту, и женщина что-то ему сказала. Тот пожал плечами. Она ещё раз обвела взглядом зал, затем мотнула головой мужчине с тяжёлой сумкой, и оба пошли на выход из ресторана.

– Папа, мама, – по щеке у Тамары покатилась слеза, – вы меня, пожалуйста, простите за мою ошибку.

– Что за слёзы, дочка? У тебя же день рождения! Будем радоваться, и вообще ты молодец! Получилось даже забавно, мне понравилось. За тебя! – Сергей Петрович поднял бокал.

Через неделю Тамара обнаружила, что беременна. Ужасно расстроилась, рыдала в подушку. И уже на следующий день она договорилась с врачом об удалении плода. За день до операции Вера Степановна нашла её горько плачущей и решила, что дочь оплакивает своё несостоявшееся замужество, сокрушается над тем, как нелепо и печально завершилась любовь.

– Томочка, ну что поделаешь, коли так вышло. Человека трудно распознать... не мудрено ошибиться... бывает. Говорил тебе папа, что он скользкий, ты не верила. Я тоже хороша, думала, всё у вас ладится. Но что теперь горевать?! Не надо расстраиваться, ты ещё молода, найдёшь своё счастье.

Тамара продолжала плакать.

– Знаешь, как в народе говорят? – Вера Степановна гладила её по спине, – что ни случись, всё к лучшему.

Но вдруг Тамара, закрыв лицо руками, заголосила навзрыд. Мать забеспокоилась:

– Да что с тобой, девочка моя? Ты что так убиваешься? Ну-ка подними головку.

Она рукой подняла голову дочери, посмотрела в залитые слезами глаза и вдруг догадалась:

– Постой... доченька, ты часом не беременна?

Тамара кивнула. У Веры Степановны тревога словно улетучилась, она улыбнулась и сказала:

– Так это же радость! Зачем плакать?

– Я не хочу от него ребёнка.

– А он знает?

– Нет, три дня назад я сама не знала.

– Тогда забудь про него, а ребёнок будет наш.

– Мама, я не буду рожать, уже договорилась с врачом на завтра.

– Боже мой! Что ты такое говоришь?! И думать не смей!

– Нет, я уже решила.

– Что значит решила? Ты не понимаешь, что говоришь! Сейчас ты расстроена, это понятно, нет мужа, так уж получилось. Но как можно отказываться от ребёнка?!

– Нет, мама, у меня должна быть нормальная семья. Вот выйду замуж и рожу ребёнка.

– А вдруг уже не сможешь после аборта? Ты хоть знаешь, чем рискуешь?

– У нас на работе женщины делают аборт и рожают.

– Одни рожают, другие уже не могут и потом всю жизнь раскаиваются... как я.

– Что?

– А вот то! Не говорила я тебе. Дура была молодая, взяла грех на душу, ты была маленькая, время тяжелое, думала ерунда, ещё рожу, а вышло... поэтому ты у нас единственная. Доченька, милая, умоляю тебя, – у Веры Степановны потекли слёзы, – не совершай моей ошибки, подумай о нас с отцом, не лишай себя и нас этого счастья. Он же будет наш ребёнок, родной и любимый, а ты выйдешь замуж и ещё родишь.

Узнав о беременности дочери и о том, что она намеревалась совершить, Сергей Петрович высказался горячо:

– Кто тебе дал право лишать жизни моего внука?! Не смей!! Он будет Ваганов, а по отчеству Сергеевич!

Внука решили назвать Антоном. Родилась девочка. Назвали Антониной.

Замуж Тамара так и не вышла то ли в силу своего характера, то ли потому что увлеклась карьерой, занимая высокие посты в Министерстве лёгкой промышленности.

Уже через два месяца после знакомства с Тоней Антон пригласил её на ужин к своим родителям. Когда он ей об этом сообщил, Тоня разволновалась:

– Ой! У меня сердце заколотило!

– Не волнуйся, ты моим родителям понравиться.

– Я надену синее платье с перламутровыми пуговицами...

– Нет, – сказал Антон, – надень лучше белое сафари.

Ему очень запомнился жаркий летний день, когда она вышла из подземного перехода и, увидев его, с лёгкостью полетела навстречу в светлом платье из тонкой холщёвой ткани с накладными карманами и наклейкой *safari*.

– Оно же простенькое, – удивилась Тоня.

– Мне нравится.

– Между прочим, сшила моя бабушка.

– Молодец твоя бабушка, платье тебе очень идёт! Мне казалось, оно импортное.

– Многим так кажется из-за наклейки *safari*. Идея моя, исполнено бабушкой.

– Не той ли бабушкой, чьи старомодные часики ты носишь?

– Той, они тебе не нравятся?

– Наоборот, на твоей нежной ручке они смотрятся трогательно.

– Ладно, раз тебе понравилось сафари, я надену. И ещё туфли на каблучке...

- Не надо, надень свои светлые сандалии со шнурками в красную полоску.
- Ты смеёшься? Это же так буднично. Твои родители подумают, мне нечего надеть.
- Ничего такого они не подумают, а ты будешь просто очаровательна. Пожалуйста.
- Хорошо, милый, если тебе так хочется.

Антон позвонил маме и сообщил, что придёт на ужин с девушкой. У Людмилы Ивановны естественно сразу возникли вопросы касательно девушки, но он не стал вдаваться в подробности, сказал лишь, что зовут её Тоня и что учится она в МГУ на третьем курсе истфака, остальное при встрече. Родители были заинтригованы. Когда Антон жил с ними, к нему часто приходили друзья, в том числе девушки. Но теперь для приёма друзей у него была своя квартира. Однако их сын приглашает девушку в родительский дом на семейный ужин. Что бы это значило? Неужели смотрины?

Людмила Ивановна отнеслась к Тоне настороженно, всё присматривалась. Она распознала в ней природный ум и старалась понять, на что он способен. Впрочем, атмосфера за столом сложилась довольно непринуждённая. И прежде всего потому, что Ролену Владимировичу Тоня сразу понравилась. Это было заметно. Он с ней любезно общался, много шутил, а когда стали прощаться, выразил свою симпатию предельно откровенно. Вышло неожиданно. Людмила Ивановна уже в дверях вспомнила, что у Антона дома на окнах грязные шторы. Она обратила на них внимание, когда в его отсутствие привезла порошки для чистки ванны и мытья посуды. Людмила Ивановна пыталась снять шторы, чтобы постирать их, но без Антона это оказалось затруднительно. И вот сейчас, провозжая сына, она о них вспомнила:

- У тебя, Антоша, шторы уже не свежие.
- И что мне делать? – спросил он.

Но тут её опередил Ролен Владимирович:

- Женись! – сказал он, улыбаясь.

Все рассмеялись. Вышло забавно. Тоня опустила глаза.

В конце лета Антон с Тоней съездили в подмосковный санаторий навестить Сергея Петровича и Веру Степановну. После того как Антон познакомил Тоню со своими родителями, она решила представить его дедушке и бабушке, причём прежде чем маме. Тамара Сергеевна знала его заочно, она с ним иногда обменивалась несколькими фразами по телефону, когда Тони не оказывалось дома. В том, что Антон легко покорит женщин, Тоня не сомневалась. Ей очень хотелось, чтобы сначала его одобрил Сергей Петрович.

Накануне вечером молодые общались по телефону.

- Какие планы на завтра? Приедешь ко мне? – спросил Антон.
- Завтра суббота, я еду к дедушке и бабушке в Подмосковье. Не знаю, когда вернусь.
- Они там живут?
- Они отдыхают и лечатся в санатории «Загорские дали», я обещала приехать к ним.
- Это далеко?
- Не очень. Хочешь, поедем вместе?
- Звучит заманчиво, мечтаю познакомиться с дедушкой и бабушкой.

Тоня обрадовалась:

- Умница! Тогда встречаемся завтра на платформе Ярославского вокзала в девять утра.
- Замётано.

Они стояли в тамбуре вагона возле дверей. Почти до отказа забитая людьми электричка должна была вот-вот тронуться. Внутри вагона уже практически не было стоячих мест. Антон поддерживал Тоню за талию. К двери подбежал мужчина с тяжелой сумкой и стал протискиваться внутрь. Антон прижал Тоню к себе, чтобы тот не задел её сумкой. Мужчина это заметил и неожиданно сердито выпалил:

– Нашли, где обниматься! Голубки! – последнее слово он произнёс с такой злостью, словно выругал, а затем стал с недоумением озираться на людей, которые вдруг рассмеялись, включая Антона и Тоню.

Двери вагона захлопнулись, и поезд тронулся.

– Представляешь, – шепнул Антон на ухо Тоне, – что бы этот тип сказал, если б видел нас в телефонной будке!

– Он бы лопнул от зависти, – смеялась она.

Однажды огонь страсти у них разгорелся в телефонной будке. Антон пригласил Тоню посмотреть соревнования байдарочников на гребном канале в Крылатском. Зрелище красивое и захватывающее, но оказалось слишком продолжительным, и они решили уйти до окончания соревнований. К тому же становилось душно, солнце скрылось, а на небе стали сгущаться тяжёлые тучи. К метро шли пешком. По дороге их настиг ливень, да такой сильный, что за считанные секунды оба промокли до нитки. До метро идти было не близко, а спрятаться от дождя оказалось негде – голая дорога и никаких укрытий. Спасла одиноко стоящая на обочине телефонная будка со сломанным аппаратом. Насквозь мокрые они забежали в неё. Дождь лил стеной, хлестал по стёклам будки. За плотными струями воды вокруг уже ничего не было видно. Антон закрыл дверь будки и повернулся к Тоне. Сквозь прилипшее к телу платье пленительно выделялась девичья грудь и вся её стройная фигура. Страсть мгновенно захватила обоих. Слившись в объятии, они стали принаравливать к тесному пространству, бились локтями и ногами о стеклянные стенки будки, выбирая методом проб и ошибок наиболее удобную позу. От частого их дыхания внутри запотели стёкла, а будка, пошатываясь от их ритмичных движений, угрожала свалиться набок. Антон с Тоней долго ещё находились в ней, целуясь и хохоча, пока лил дождь. А когда он прекратился и вновь заиграло летнее солнце, они вышли на дорогу и легли на высокий бетонный бордюр обочины нос к носу, и стали высыхать.

Спустя годы оба с улыбкой вспоминали эту шаткую телефонную будку и свою сумасшедшую страсть. А сейчас, обнимая Тоню в тамбуре электрички, Антон после брошенной мужчиной в их адрес реплики шепнул ей:

– Как ты думаешь, он глуп или у него просто юмора не хватает?

– По-моему, одно вытекает из другого.

– В университете у нас был очень толковый парень, пожалуй, самый толковый в группе, но меня всегда удивляло отсутствие у него чувства юмора, – сказал Антон.

– Видимо, ум первичен, без него вряд ли у человека может быть юмор. У нас в школе была учительница по биологии, ей ребята задавали глупые вопросы. Умный человек понял бы каверзу, стал бы отшучиваться или ушёл бы от ответа, а она на полном серьёзе начинала отвечать. В итоге её заводили в такие дебри, что бедняжка терялась, а ребята хохотали.

– Интересно, ты что-нибудь помнишь из биологии, ботаники?

– Конечно, особенно пестика и тычинку.

– Ну да, их даже я помню, но кроме этого ничего не знаю. До сих пор путаю названия деревьев. Ты наверно была отличницей?

– Не совсем, по физике и математике мне четвёрки ставили с большой натяжкой.

– А я учился средне, хулиганом был.

– В самом деле? И как ты хулиганил?

– Играл на деньги в ножички, в карты, якшался со шпаной, дрался.

– Какой ты, однако, многогранный!

– А знаешь, в чём первый признак истинного хулигана?

– Любопытно.

– Ходить вразвалочку и непременно держать руки в карманах штанов. У нас во дворе был один, звали его Длинный, кличка такая, по именам обычно никого не звали...

– Тебя тоже кликали?

- А как же, меня звали Тон.
- Почему Тон?
- Уже не помню, кажется, просто убрали первый слог моего имени. Так вот этот Длинный, ростом под метр девяносто, даже в плаще, застёгнутом на пуговицы, умудрялся ходить, засунув руки в карманы брюк.
- Представляю, он, безусловно, выглядел экстравагантно...

Лето 1977 года стало для них памятным, временем вспыхнувшей любви и вступления в новый этап жизни, а для Антона ещё и началом творческого подъёма в науке. На следующий год они поженились, а ещё через год у них родилась дочь Жанна.

Через много лет ко дню их серебряной свадьбы Антон подарит жене такие строки:

*Помню, жарким было лето,
Вся Москва в горячем паре,
Свежесть девушки, одетой
В платье светлое “safari”.*

*Отношенья развивались
Как весной листва на ветке,
Счастьем души наполнялись
Аспиранта и студентки.*

Первая статья Антона по криптографии вышла в начале 1978 года. Много позже она создала ему неожиданные сложности перед защитой диссертации. В результате защиту пришлось отложить почти на полгода. Статья явилась причиной вызова Антона в Главлит (Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР). Удивительно, что это произошло только через четыре года после её публикации. В Главлите статью заметили, когда в этот государственный орган был отправлен автореферат его диссертации, что делалось в обязательном порядке, прежде чем допустить её к защите. Именно он вдруг заставил главного цензора страны обратить внимание на первую статью Антона по криптографии. И почему-то только на неё, невзирая на то, что в автореферате упоминались ещё четыре других, содержание которых по тематике не отличалось от первой.

Уже был назначен день защиты, когда из Главлита поступило в институт извещение на имя Антона. Олег Лосев, будучи соавтором статьи, забеспокоился:

- Я предупреждал тебя в самом начале, что тему могут закрыть. Но сейчас уже поздно, все результаты опубликованы в открытой печати. Даже не знаю, чем этот вызов грозит, чего теперь нам ждать. Как ты думаешь, что они могут предпринять?
- Ну как что? Послать авторов статьи по этапу в Сибирь, – сказал Антон.
- Типун тебе на язык!
- Завтра на приёме выясню.

Антон приехал в Китайгородский проезд, где располагалось здание Главлита. Ему в соответствии с извещением выписали пропуск, на котором указали, в какую комнату следует идти. Там его встретила девушка и попросила выйти и подождать в холле. Минут через десять к Антону вышла полная женщина средних лет с озабоченным видом. В руках она держала копию его первой статьи.

- Вы Антон Воскресенский?
- Да.
- Вот! – сказала она, тыча пальцем в текст, в котором были подчёркнуты некоторые слова.

Красные чернила пестрели на всех страницах, но самих слов оказалось всего три: шифрование, криптография и секретность.

– И что это значит? – спросил Антон.

– Как что? – удивилась женщина, – это же закрытая тема! – она даже чуть улыбнулась, поражаясь наивности молодого человека.

– Что из этого следует? Статья была опубликована в открытой печати четыре года назад.

– Вот я вас и спрашиваю, как она могла выйти в печать?

Тут Антону на ум пришла мамина фраза, которую Людмила Ивановна в подобных ситуациях произносила: «От этого абсурда у меня мозги враскорячку!»

– Вы меня с кем-то путаете. Я всего лишь автор статьи, вернее один из авторов.

– Для этой темы, – сказала женщина, укоризненно взглянув на Антона, – существуют закрытые издания.

– Я не имею доступа к закрытым изданиям. И могу, если угодно, ответственно заявить, что в данной статье нет государственных тайн. Хотя бы потому, что авторы ими не владеют. Всё, что в статье изложено, касается исключительно открытых систем защиты информации. Вы можете убедиться по ссылкам на литературу.

Женщина озабоченно вздохнула, взяла небольшую паузу, приняв задумчивый вид, мол, «даже не знаю, что с вами делать», затем сказала:

– Ладно, будем думать, как поступить.

– И как долго? У меня скоро защита.

– Не могу сказать, это зависит не от меня.

– От кого же?

Она вновь снисходительно улыбнулась. Простодушие молодого человека её забавляло.

– Вас известят.

Любопытно, что цензура не заинтересовалась другими его статьями на ту же тему. А всё потому, что в них отсутствовали слова шифрование, криптография и секретность. После первой публикации опытные коллеги посоветовали Антону избегать этих терминов. Ему пришлось заменить их словами: преобразование, защита и стойкость. И этого, как ни странно, оказалось достаточно, чтобы следующие статьи цензура пропустила. «До чего формальный подход!» – удивлялся Антон.

– Ну что? Каков вердикт? – спросил Олег, как только он вернулся.

– Десять лет с конфискацией имущества.

– Перестань ёрничать! Что сказали?

– Сказали, будем думать, ждите ответа.

– И сколько ждать?

– На этот вопрос меня обдали презрительной улыбкой.

– Что ж... придётся задержать защиту.

Ожидание тянулось томительно. Через несколько дней Антон стал проявлять нетерпение и на проклятия в адрес Главлита не скупился. Будучи холостым, он мог позволить себе не спешить с написанием диссертации. Теперь же Антон с возрастающей ответственностью сознавал необходимость скорейшей её защиты. У него росла дочь, затраты на содержание семьи с каждым годом ощутимо прибавлялись. Ежемесячные выплаты на погашение стоимости кооперативной квартиры уже чувствительно били по карману, а зарплата младшего научного сотрудника покрыть все расходы уже не могла. Премий за текущий год у Антона не было, поскольку в проектах он не участвовал – пришлось сосредоточиться на теме диссертации. Тоня не так давно поступила на работу в Государственный исторический музей с весьма скромной зарплатой, так что в совокупности получалось, мягко говоря, не густо. Семейный бюджет едва позволял им сводить концы с концами. Приходилось обоим принимать помощь у родителей. Антона это

коробило. Он боялся потерять уважение отца и Сергея Петровича. Хотя оба они с пониманием относились к трудностям молодой семьи и считали их временными. Однако Антон переживал. Отцу ведь никто не помогал, опереться ему было не на кого, всего добивался самостоятельно и содержал сына до двадцати двух лет. Антон всегда держал это в уме, ему хотелось доказать отцу свою состоятельность. Степень кандидата наук позволила бы ему рассчитывать на должность старшего научного сотрудника и, следовательно, на более высокую зарплату.

Дома у Антона тема защиты, особенно после того как её отложили, стала основной. Разговоры о диссертации маленькой Жанне приходилось слышать каждый день. Ей к этому времени исполнилось три года, и она уже знала, что *дислитацию* надо обязательно защищать. Жанне особенно стало жалко *дислитацию* после слов папы «четыре года её не замечали, а теперь набросились как хищники». Ей представлялся небольшой пушистый зверёк четырёх лет (кто ж ещё мог представиться с таким красивым названием?), который поселился у папы на работе и которому в его отсутствии грозит опасность. Жанна была уверена, что папа *дислитацию* в обиду не даст, защитит её от неведомых хищников. И однажды, когда родители в очередной раз завели разговор на тему защиты диссертации, она спросила:

- От кого надо защищать?
- Кого защищать? – спросил Антон.
- *Дислитацию*.

Вердикт Главлита пришёл через три недели: допустить к защите с грифом «для служебного пользования». В этом решении смысла никакого не было, поскольку все научные результаты, вошедшие в диссертацию, были уже открыто опубликованы.

Защита, как принято говорить, прошла успешно. Антон за отложенный период успел хорошо к ней подготовиться, говорил уверенно, на вопросы отвечал чётко. Впрочем, все они оказались предсказуемы. Оппоненты отозвались о работе весьма положительно, без существенной критики, а выступившие на защите коллеги высоко оценили полученные результаты. Кажется, членам учёного совета ничего не оставалось, как единогласно проголосовать «за» присвоение соискателю учёной степени кандидата технических наук. Однако среди двенадцати бюллетеней один оказался «недействительный», вроде как испорченный небрежным заполнением кем-то из членов совета, или оставленный им пустым. В подобных случаях говорят, мол, кто-то воздержался, так как такое можно сделать только сознательно. И хорошо если он выступил во время обсуждения и высказал свои сомнения относительно научной значимости диссертации, по делу раскритиковал её, а затем воздержался от оценки или честно проголосовал «против». Однако ни сомнений, ни конструктивной критики во время защиты не прозвучало, всё прошло гладко без сучка и задоринки. На самом деле этот кто-то по каким-то своим мотивам не пожелал отдать голос соискателю и, спрятавшись за тайным голосованием, остался неузнанным. Впрочем, на решение учёного совета «недействительный» бюллетень не повлиял.

В тот же день во время банкета Антона тепло поздравили сотрудники лаборатории. Берковский выразился в своей высокопарной манере:

- Примите, Антон, мои искренние поздравления и глубочайшую признательность.
- Спасибо за поздравление, Натан Самойлович, но за что признательность?
- За достойное выступление, за то, что не уронили честь лаборатории. Поздравляю!
- Спасибо!

Однако Антона больше интересовала оценка Гурвича, который никогда не лукавил, псевдонаучные публикации разоблачал и резал правду матку в отличие от многих. К сожалению, на предзащите диссертационной работы Антона он не присутствовал. А это, можно сказать, главный экзамен для соискателя, когда задаются самые каверзные вопросы и, по сути, проводится настоящее испытание на прочность представленных на суд результатов научного труда. Но Гурвич пришёл на защиту и был одним из немногих, кто хорошо разбирается в теме и

мог сказать хотя бы несколько слов. Однако он не выступил. Антон не сомневался в научной результативности своей работы, иначе не выдвинул бы её на защиту, но молчание Гурвича его беспокоило. Многие учёные к диссертациям на этапе защиты относятся как к покойникам, о которых говорить можно либо хорошо, либо ничего. И то, что Гурвич не выступил, Антона озадачило. Он с тревогой ожидал его оценки.

- Нормальный уровень, – при встрече коротко отозвался Гурвич.
- Но ты ни слова не сказал во время защиты.
- А зачем? Тебя мало хвалили?

Уже через год дела у Антона пошли в гору. После перевода его на должность старшего научного сотрудника жизнь вошла в привычную колею. Помимо исследовательской работы по своей теме он вновь стал участвовать в проектах и параллельно заниматься «халтурой». Дефицита в семейном бюджете не возникало. Жанна росла под присмотром бабушек и дедушек, предоставляя маме возможность развиваться профессионально. Активности и старательности по части собственного развития Тоне было не занимать. Она довольно быстро себя проявила, включившись в работу музея по проведению экскурсий и организации тематических выставок.

Жанну до трёх лет растила, по сути, Вера Степановна. Когда через три месяца после её рождения Тоня вышла на работу, Вера Степановна в свои семьдесят два года каждый будний день в восемь тридцать утра приезжала к малышке, чтобы побыть с ней до возвращения мамы с работы. Собственно больше некому было сидеть с ней, все работали. Сергей Петрович, оставаясь один дома, не роптал, воспринимал заботу о правнучке как непреложную обязанность. У себя в квартире он выделил стену над диваном для её фотографий. Снимал сам. Жанна позировала, лёжа в колыбели, сидя в манеже, играя в песочнице, в объятиях родителей. Когда ей исполнилось три года и выяснилось, что попасть в ближайший детский сад не представляется возможным по причине отсутствия вакансий, за дело взялся Сергей Петрович. Пошёл воевать с администрацией детских учреждений района и добился места для своей правнучки. Когда его клали в больницу, к сожалению это происходило достаточно часто в последние годы его жизни, Сергей Петрович непременно брал с собой фотографию Жанны и ставил её на тумбочку рядом с кроватью, провоцируя вопрос врача или медсестры:

- Ваша внучка?
- Тяните выше! Правнучка! – с гордостью отвечал он.

Сергей Петрович любил собирать за большим столом всю семью, включая родителей Антона. Как он выражался – от мала до велика. Вера Степановна готовила праздничный обед. Блюда у неё всегда получались вкусные и обильные. А на десерт она пекла любимый Антоном слоёный пирог с заварным кремом. К Антону она благоволила, старалась ему угодить. Всякий раз заранее спрашивала, чего бы ему хотелось на обед. Бывало, Вера Степановна звонила Тоне, чтобы сообщить, что специально для Антона пожарила пирожки с фасолью:

- Они получились пухленькие, поджаристые, слегка остренькие, как он любит.

Она обладала редким талантом всё делать спокойно и качественно, отвергая всякую спешку и приблизительность.

Когда все родственники собирались, Сергей Петрович начинал их рассаживать, указывая каждому своё место за столом. Затем садился сам во главу стола и начинал произносить тосты. Каждый раз одни и те же: за здоровье родных и близких и отдельно за правнучку Жанну. После чего он всех поочерёдно обнимал и получал от этого удовольствие. Ему приятно было ощущать себя главой большого семейства. А после застолья Сергей Петрович непременно садился играть в шахматы с отцом Антона. Ему нравилось общаться с Роленом Владимировичем. Их объединяли общие взгляды и схожие воспоминания.

Сергей Петрович гордился тем, что Тоня носит фамилию его предков и что по отчеству она Сергеевна. Он даже с некоторой осторожностью пытался присвоить свою фамилию пра-

внучке Жанне, напомнив Антону, что фамилия Воскресенский всё же придуманная. Антон не поддался, но обещал, что когда у него родится сын, будет носить общую фамилию Ваганов-Воскресенский.

– А что, по-моему, звучит неплохо! Длинно, но благородно! – говорил он, улыбаясь.
На том и сошлись.

Пятилетие Жанны молодые супруги отмечали на трёхпалубном теплоходе. В тот год они отправились в круиз по Волге от Москвы до Астрахани и обратно. Сергей Петрович и Вера Степановна пришли провожать маленькую Жанну в далёкое плавание с пятью цветными шариками. Как только теплоход стал отходить от причала и неожиданно загремел марш «Прощание славянки», Сергей Петрович, стоя на пристани рядом с женой, приосанился и снял шляпу. Жанна радовалась, махала им ручкой и крепко держала шарики, чтобы не улетели, и не отпускала их в каюте.

Детей на теплоходе оказалось много. Они бегали по палубам, галдели неугомонно, создавая постоянный шумовой фон, и к неудовольствию персонала лезли, как выразился капитан корабля, куда не следует. Собрав на верхней палубе всех пассажиров, капитан ознакомил их с правилами безопасности на судне и попросил родителей соблюдать дисциплину, не нарушать установленный режим дня и следить за своими детьми, назвав их брошенными. Антон расценил его речь как бестактную:

– Ты слышишь, что он несёт? – сказал он Тоне.

– Да, назвал детей брошенными. Бог с ним.

– Я не о том. Он говорит, словно командует нами. Меня бесит этот тон, его заскорузлый менталитет набившего оскомину советского начальника и стремление из всего делать пионерский лагерь. И заметь, ни слова не сказал о надлежащем обслуживании пассажиров.

В конце прозвучавшего монолога Антон готов был выплеснуть своё раздражение, и только ласковый шёпот Тони, которая взяла мужа за руку, чувствуя, что он сейчас выдаст что-то резкое, остановил его от реплики в адрес капитана.

Однако с билетным контролёром, который неожиданно появился в их каюте, он уже себя не сдерживал. Теплоход стоял на пристани, кажется, в Саратове. Человек в форме вошёл без стука в каюту и, естественно, сразу нарвался на резкое высказывание Антона о невоспитанности. И всё бы ничего, поскольку мужчина извинился и представился проверяющим, но после осмотра проездных билетов вдруг потребовал «предъявить» ребёнка для проверки на соответствие детскому билету. Дело в том, что для детей до семи лет билет стоил на 50% ниже номинала. Тут Антон заскрежетал зубами. Тоня поспешила спокойно напомнить контролёру, что такая проверка уже была проведена во время приёма их на борт. Однако тот стал настаивать, и Антон взорвался, назвал его поведение хамским и уже готов был вытолкать мужчину вшаей, но в этот момент прибежала Жанна. Контролёр, увидев ребёнка, бросил на Антона злобный взгляд и вышел из каюты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.